

ВОЙНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ И «ВОЙНЫ ПАМЯТИ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. Дискуссия посвящена проблемам исторической памяти о Второй мировой / Великой Отечественной войне, что в значительной степени объясняется тем влиянием, которое она оказала на все последующее развитие советского общества и мира в целом. Новый характер приобретают образы войн на постсоветском пространстве с постепенным уходом из жизни их свидетелей и очевидцев. В связи с этим участникам дискуссии были предложены вопросы, касающиеся изучения трансформации образов войны, роли в этом процессе институтов памяти. Мы предложили авторам подумать над изменением памяти о войне в связи со сменой поколений, способах верификации сложившихся представлений о прошлом. Кроме того, нас интересовало мнение представителей профессионального сообщества об их собственной роли в формировании образов войны и современной политике памяти. Редакция предложила ведущим исследователям исторической памяти и военной истории высказаться по поводу причин современных «войн памяти», выявить их инициаторов и участников, определить в них роль ученых и преподавателей. Каждый участник дискуссии был волен самостоятельно определять формат своего участия: отвечать на каждый поставленный вопрос, либо выбрать некоторые из них; давать ответы последовательно, четко обозначая их в тексте, или рассматривать предложенные вопросы как основу для собственных рассуждений. В целом, нашей задачей в данной дискуссии являлась постановка и решение проблемы, связанной с отражением событий военной истории в различных формах исторической памяти, общественном сознании, повседневности, культуре и языке, а также с их институционализацией и верификацией.

Ключевые слова: политика памяти, Великая Отечественная война, Вторая мировая война, институционализация памяти, «войны памяти», преподавание военной истории, преступления нацизма, коллаборационизм, мифологизация, политическая инструментализация.

Вопросы дискуссии:

1. Как именно и в каких формах создаются и трансформируются образы войны в общественном сознании, культуре и языке? Какова связь между событиями и участниками войны и их образами в исторической памяти? Как взаимосвязаны между собой разные образы и символы войны?
2. Какова роль институтов памяти (архивов, музеев, библиотек) в формировании образов войны? Можно ли говорить о верификации сложившихся представлений, и каким образом она может осуществляться?
3. Как меняется память о войне со сменой поколений, с уходом из жизни ее непосредственных свидетелей и очевидцев?
4. Какое место войны занимают в современной политике памяти в России и других странах? В чем причины «войн памяти», кто является их инициатором и участником?
5. Какую роль играет профессиональное сообщество (ученые, преподаватели) в формировании образов войны и современной политике памяти?

Участники дискуссии:

Миллер Алексей Ильич, доктор исторических наук, профессор факультета истории, научный руководитель Центра изучения культурной памяти и символической политики, Европейский университет в Санкт-Петербурге.

Пахалюк Константин Александрович, кандидат политических наук (МГИМО), преподаватель, Одинцовский филиал МГИМО(У) МИД России.

Пономарева Мария Александровна, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории XX–XXI веков, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет.

Терушкин Леонид Абрамович, заведующий Архивным отделом Научно-просветительного Центра «Холокост», Центр (НПЦ) и Фонд «Холокост».

Титаренко Дмитрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Донецкий юридический институт (Кривой Рог).

WAR IN HISTORICAL MEMORY AND “MEMORY WARS” IN MODERN WORLD

Abstract. The discussion is dedicated to the problems of historical memory of the World War II / Great Patriotic War, which is largely due to the impact that it had on all subsequent development of Soviet society and the world as a whole. Images of war in the post-Soviet space acquire a new character with the gradual disappearance of the witnesses and eyewitnesses. In this regard, the participants of the discussion were asked questions related to the study of the transformation of images of war, the role of memory institutions in this process. We invited the authors to discuss the changing memory of the war in connection with the generational change and the ways to verify the existing ideas about the past. In addition, we were interested in the opinion of representatives of the professional community about their own role in shaping images of war and modern memory politics. The editorial Board invited leading researchers of historical memory and military history to discuss the causes of modern “memory wars”, identify their initiators and participants, and determine the role of scientists and teachers in them. Each participant in the discussion was free to determine the format of their participation: to answer each question, or choose some of them; to give answers consistently, clearly indicating them in the text, or to consider the proposed questions as the basis for their own reasoning. In general, our task in this discussion was to pose and solve the problem of reflecting the events of military history in various forms of historical memory, public consciousness, everyday life, culture and language, as well as their institutionalization and verification.

Keywords: memory politics, Great Patriotic War, World War II, institutionalization of memory, “memory wars”, teaching of military history, crimes of Nazism, collaboration, mythologization, political instrumentalization.

Questions of the discussion:

1. How exactly and in what forms are images of war created and transformed in public consciousness, culture and language? What is the connection between events and participants of the war and their images in historical memory? How are the different images and symbols of war interconnected?
2. What is the role of memory institutions (archives, museums, libraries) in the process of shaping images of war? Can we talk about verification of existing ideas, and how it can be implemented?
3. How does the memory of the war transform with generational change and gradual disappearance of its direct witnesses and eyewitnesses?
4. What is the place of war in modern memory politics in Russia and other countries? What are the reasons for the “memory wars”, who is their initiator and participant?
5. What role does the professional community (scientists, teachers) play in shaping images of war and modern memory politics?

Discussants:

Miller Alexey I., Doctor of Science (History), Professor of the Faculty of the History, Scientific Head of the Center for the Study of Cultural Memory and Symbolic Policy, European University in St. Petersburg.

Pakhalyuk Konstantin A., Candidate of Science (in Political Science), Lecturer, Odintsovo Branch of Moscow State Institute of International Relations.

Ponomareva Maria A., Candidate of Science (History), Head of the Department of National History of the XX–XXI centuries, Institute of History and International Relations, Southern Federal University.

Terushkin Leonid A., Head of the Archives Department of the Scientific and Educational Center “Holocaust”, Center (SPC) and the “Holocaust” Foundation.

Tytarenko Dmytro, Dr.hab. in History (Doctor of science), Professor, Department for Social and Humanitarian Science, Donetsk Law Institute (Krivoj Rog).

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В «ВОЙНАХ ПАМЯТИ»¹

А.И. Миллер

Аннотация. Статья рассматривает структурные характеристики войн памяти вокруг Второй мировой войны, которые разворачиваются в Восточной Европе. Показаны механизмы вовлечения в это взаимодействие стран Запада, прежде всего старых членов ЕС. Обсуждается смена ценностных подходов к политике памяти в Европе — от космополитического к антагонистическому, а также возможность реализации агонистского подхода. Показана смена роли Западной Европы от адресата и арбитра к наблюдателю, и роль США как главного спонсора политики восточноевропейских государств. Показана смена рамок нарратива памяти о войне, от сфокусированного на Холокосте, к сфокусированному на начале войны и советско-германском пакте 1939 г., и, наконец, к сфокусированному на результатах войны. В статье анализируется влияние этих изменений на российскую политику памяти о войне как в выборе тематических акцентов, так и в выборе между антагонистской и агонистской модальностью международных взаимодействий в этой области.

Ключевые слова: Россия, Восточная Европа, политика памяти, Вторая мировая война, США, ЕС.

Миллер Алексей Ильич, доктор исторических наук, профессор факультета истории, научный руководитель Центра изучения культурной памяти и символической политики, Европейский университет в Санкт-Петербурге, 191187, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1, литера А, amiller@eu.spb.ru.

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, проводимого в Институте научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01589.

SECOND WORLD WAR IN THE “WARS OF MEMORY”

A.I. Miller

Abstract. The article analyzes structural characteristics of the memory wars around the Second World War in Eastern Europe. It discusses mechanisms of inclusion of the western countries into these interactions. The article also discusses the changes in value based approaches to memory politics – from cosmopolitan to antagonistic. It also looks at plausibility of agonistic approach to memory politics. Discussed is the change of roles of Western Europe from addressee and arbiter to the role of bystander, and the role of US as the main sponsor of the policy of east European countries. Also discussed is the change of frames of the narratives of memory of World War II? From the one focused on Holocaust to the one focused on the beginning of the war and the role of Soviet-German pact of 1939? And, finally to the narrative focused on the geopolitical consequences of the war. The article looks at the impact of these changes on Russian politics of memory about the war in the choice of thematic focus and in the choice between antagonistic and agonistic modalities of international interactions around these issues.

Keywords: Russia, Eastern Europe, memory politics, World War II, USA, European Union.

Miller Alexey I., Doctor of Science (History), Professor of the Faculty of the History, Scientific Head of the Center for the Study of Cultural Memory and Symbolic Policy, European University in St. Petersburg, Letter A, 6/1, Gagarin St., St. Petersburg, 191187, Russia, amiller@eu.spb.ru.

Тема Второй мировой войны является предметом интенсивного взаимодействия на международной арене. Как в Европе, так и в Азии эти взаимодействия все чаще приобретают характер ожесточенных противостояний, применительно к которым утвердилось понятие «войны памяти». В этой связи возникают два важных методологических вопроса.

Один из них связан с представлениями исследователей и мнемонических акторов о природе этих взаимодействий и о ценностной основе политического использования прошлого. В Западной Европе в последние десятилетия XX в. в общественной жизни утвердился подход к прошлому, который в современной литературе принято называть «космополитическим» [Bull, Hansen, 2016]. Он оформился именно в ходе дискуссий о событиях Второй мировой войны. В конце 1980-х и в 1990-е гг. все больше стран приходили к публичному признанию своей собственной ответственности за Холокост, который занял центральное и уникальное место в общеевропейском историческом нарративе [см.: Ассман, 2014; Radonić, 2017]. Этот подход к памяти предполагал, во-первых, преобладание «критического патриотизма», когда особое внимание уделяется неприглядным страницам национального прошлого, что делает невозможным нарратив, концентрирующийся на страданиях собственной нации. Во-вторых, он постулировал возможность создания общих наднациональных нарративов, плодом чего была популярность совместных, межнациональных учебников истории и других таких проектов. В основе «космополитического» подхода к памяти о войне и к памяти вообще лежало убеждение, что прошлое представляет собой «неполитическое» пространство, в котором законы «политической жизни» с ее неизбывной конфликтностью преодолеваются, что либерально-демократическое гражданское общество само справится с проработкой прошлого, и политики не должны вмешиваться в эту сферу. В наиболее острой форме этот подход проявился в ходе известного «спора историков» в Западной Германии в 1980-е гг.

Принципиально иным был подход к прошлому, сформировавшийся в бывших социалистических странах и в ряде бывших республик СССР. Восточноевропейские страны, заявлявшие о стремлении в Европу, стремились (давайте заменим на: старались) продемонстрировать следование космополитическому канону как общеевропейской ценности. Однако в действительности подход посткоммунистических элит к политике памяти был принципиально иным [см.: Астров, 2011; Воронович, 2018]. Общественность, в особенности ее мобилизованная часть, в большинстве стран Восточной Европы была и остается вовсе не либерально-демократической, а, как правило, националистической. В центре восточноевропейских нарративов оказался не «критический патриотизм», а страдания собственной нации. В основе этого различия лежал иной подход к самой природе культурной памяти.

Можно сказать, что Стокгольмская декларация о коммеморации Холокоста 2000 г. стала высшей точкой развития «космополитического» дискурса европейской памяти и стоявшего за ним подхода к политическому использованию памяти, которая рассматривалась как раз в качестве сферы, где «политическое» должно быть преодолено [Stockholm Declaration]. Признаки разрушения «космополитического» консенсуса

ретроспективно можно различить уже тогда, на рубеже XX и XXI вв. Они проступили со всей очевидностью в 2004 г., в момент резкого расширения ЕС на восток. Включив сразу 10 новых членов, 8 из которых представляли посткоммунистические страны, ЕС одновременно потерял ключевой инструмент влияния на поведение их элит. В 2004 г. в Польше появились первые публикации, которые говорили об исторической политике («*polityka historyczna*») в принципиально ином ключе, чем подразумевалось творцами немецкого термина *Geschichtspolitik* [*Polityka historyczna...*, 2005; Cichocki, 2005; Kosiewski, 2006]. Историческая политика в новой интерпретации становилась, прежде всего, именно частью политики как таковой, и на внутренней, и на международной арене. В рамках такого подхода, который теперь принято называть «антагонистическим», политическое использование прошлого понимается не как поиск общего подхода, но как противостояние «нас» и «их». Целью такого взаимодействия становится утверждение «нашей» точки зрения как единственно возможной, маргинализация, подавление противника в сфере собственного политического контроля и на международной арене, победа, а не примирение. Ключевой темой восточноевропейских нарративов XX в. стало «сказание о двух тоталитаризмах», причинявших страдания «кровавым землям» [Sémelin, 2013].

Сегодня понимание политического использования прошлого именно как сферы политического преобладает среди исследователей памяти [Feindt G. et al., 2014]. Однако, далеко не все согласны с тем, что признание культурной памяти сферой политического непременно предполагает антагонистический характер взаимодействий по поводу политики памяти. Некоторые отстаивают точку зрения, что политическое взаимодействие может носить «агонистский» характер, то есть предполагать взаимоуважительный диалог о разногласиях, не с задачей преодолеть разногласия, но с задачей научиться с этими разногласиями жить без обостренной конфронтации [Bull, Hansen, 2016].

Понимание этой проблематики поможет нам в анализе и интерпретации поведения различных акторов в войнах памяти вообще и вокруг Второй мировой войны, в частности.

Второй важный вопрос — изменение рамок, с помощью которых формируются подходы к истории Второй мировой войны. В последние десятилетия XX в. в рамках космополитического подхода к политике памяти в Западной Европе в центре памятования Второй мировой войны стоял Холокост, как уникальное по своей природе и масштабам преступление, «преступление преступлений». В этом случае в центре внимания оказывалась ответственность разных сообществ за осуществление Холокоста, но также и роль тех сил, которые позволили остановить Холокост. Символом Холокоста в этом дискурсе был Аушвиц, и освобождение Аушвица Красной армией неизбежно тоже оказывалось в центре этой рамки.

В начале XXI в. Польша, Прибалтийские республики и, отчасти, Румыния, став членами ЕС, настойчиво продвигали альтернативный формат, в центре которого оказывался советско-германский пакт о ненападении 23 августа 1939 г. и его

секретный протокол. Это событие становилось символом сотрудничества двух тоталитаризмов, ему приписывалась роль «спускового крючка» войны. В центре внимания оказывалось страдание народов Восточной Европы. Тема Холокоста вытеснялась из центра рамки, что было весьма удобно для этих стран, в которых часть местного населения (а в Румынии и союзные нацистской Германии власти) активно участвовала в Холокосте. Роль Красной армии «перекодировалась» из спасителя в поработителя.

Следующий шаг в «сдвиге рамки» хорошо виден в декларации 7 мая 2020 г., которую подписали госсекретарь США Майкл Помпео и министры иностранных дел 9 восточноевропейских государств – членов НАТО [US along with 9 NATO...]. В декларации осуждались «попытки России фальсифицировать историю», лишь в первом абзаце упоминались события войны, а остальной документ был сосредоточен на оккупации Прибалтийских республик, и на том, что после войны те страны, которые «попали в неволю» к СССР, оставались десятилетиями жертвами репрессий и идеологического контроля. Таким образом, декларация четко определяла новые параметры рамки – фокус с самой войны смещался на «послевоенную советскую оккупацию», которая сменила немецкую и которая закончилась лишь с присоединением этих стран к свободному миру.

Декларация закрепляла роль США как главного спонсора политики памяти, проводимой странами «молодой Европы». Принцип деления Европы на молодую и старую, предложенный Дональдом Рамсфелдом во время подготовки вторжения в Ирак, которому сопротивлялись Берлин и Париж, был еще раз реанимирован.

В связи с этими наблюдениями можно сформулировать два вопроса для дальнейшей дискуссии. Во-первых, какова структура взаимодействий в рамках войн памяти, которые с разной интенсивностью идут в Восточной Европе уже 30 лет, начавшись сразу с распадом СССР. Какую роль в этих взаимодействиях играют страны Запада? Очевидно, что до сих пор участники открытого противостояния, то есть страны Восточной Европы и Россия, обращались к Западу, и особенно Западной Европе, как главному зрителю и, отчасти, арбитру, который должен был вразумить новых членов ЕС, чья политика памяти находилась в вопиющем противоречии с политикой памяти «старого ЕС». С принятием резолюции Европарламента от 18 сентября 2019 г., в которой уже подавляющее большинство депутатов от всех стран ЕС солидаризовалось с подходом Польши и прибалтийских стран, эта ситуация обострилась, но еще не изменилась принципиально. [European Parliament resolution..., 2019].

В 2009 г. в своей статье в «Газете Выборчей» и в речи на Вестерплатте Председатель Правительства России В.В. Путин полемизировал с главными пунктами восточноевропейского нарратива Второй мировой войны, но все время подчеркивал открытость России к диалогу по поводу этих разногласий [Выступление Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина..., 2009]. В той же тональности выступал и его партнер Председатель Совета министров Польши Дональд Туск [По итогам переговоров..., 2009]. В речи от 20 декабря 2019 г. президент В.В. Путин в

рассуждениях о польской политике памяти и роли Польши накануне войны говорил в духе антагонистического подхода — в крайне резких выражениях и без стремления вступить в диалог с поляками или прибалтийскими политиками. Однако и в этой речи, и в речи в Яд Вашем в январе 2019 г., и в статье, которую Путин опубликовал в июне 2020 г., он обращается к членам Совбеза ООН с приглашением к диалогу по этим вопросам [75 лет Великой Победы..., 2020]. Таким образом, в войнах памяти о Второй мировой войне, помимо двух сторон, вступивших в антагонистическое противоречие, всегда была третья сторона, на позицию которой и пытались воздействовать участники антагонистического противостояния.

При этом оказывается, что ведущие страны ЕС, в том числе и влиятельные политические силы в Германии, приняли тактику «молчания». Пока Путин не подверг в декабре 2019 г. резолюцию Европарламента резкой критике, ни один лидер ЕС ее не критиковал. В условиях постоянной деградации отношений России с коллективным Западом назревает ситуация, в которой приглашение к диалогу может на длительный период стать неактуальным. Наконец, мы видим раскол в позиции стран Западной Европы и США по этому вопросу, однако Западная Европа все больше переходит в этих взаимодействиях в режим «молчания». Множатся примеры того, как немецкие издания как по команде отказываются от публикаций, ставящих эту позицию под сомнение [см.: Rossoliński-Liebe, 2020]. Актуальным становится вопрос о том, как изменится структура взаимодействия в войнах памяти, если тот «третий», к которому адресовались восточноевропейские участники, перестанет выполнять свою роль.

Ряд шагов во внутренней политике памяти о войне может быть понят лишь с учетом данного внешнеполитического контекста.

Прежде всего мы отчетливо видим мотив секьюритизации памяти. Ключевое событие празднований Дня Победы — Бессмертный полк — стал и площадкой борьбы с «врагами памяти». Хакерские атаки и провокации против Бессмертного полка России заняли важное место в информационной повестке вокруг празднования Дня Победы. На итоговой пресс-конференции организаторы подчеркивали скоординированность и масштаб атак, пришедшихся на 9 мая 2020 г. По озвученным данным, 64% серверов, участвовавших в DDOS-атаке, были расположены на территории европейских стран, 27% — на территории Северной Америки [Организаторы «Бессмертного полка онлайн»..., 2020]. Мотив «защиты памяти» от поругания и искажения со стороны враждебных сил за границей и их пособников внутри страны активно эксплуатировался также и в контексте рекламы поправок к Конституции.

В нарративе юбилейного года акцентируются темы, которые являются прямой реакцией на враждебные России нарративы войны. Тема советской помощи населению освобожденных стран получила особый зал в музее Победы на Поклонной горе. Экспозиция подчеркивает, что «голодный, переживающий последствия оккупации СССР, спасал от болезней, кормил и помогал жителям стран, которые участвовали в войне на стороне захватчиков» [Экспозиция «Подвиг Народа»]. Там же появился зал, посвященный страданию русских под немецкой оккупацией.

Одним из центральных проектов Года памяти и славы стал проект «Без срока давности», который аккумулирует усилия многих ведомств и организаций с целью сохранить память о советских жертвах военных преступлений нацистов. Поисково-разведывательные работы в этом направлении начались именно в Новгородской области. Российская историческая политика теперь настойчиво мобилизует все доступные ресурсы, чтобы подчеркнуть статус жертвы нацизма и, конечно, роль нацистских коллаборантов. С 2019 г. рассекречены сотни материалов многих ведомств о ранее неизвестных или не получивших достаточной огласки преступлениях не только нацистов, но в первую очередь их пособников в Прибалтике и на Украине. В советское время эти факты убирались в тень, дабы не портить отношения в семье советских народов.

Тема страдания подчеркивается в кинематографической продукции – в 2020 г. должен был выйти на экраны не только в стране, но и за рубежом фильм «Страсти по Зое», само название которого говорит о его главном мотиве. Акцентирование тем и производство образов, призванных показать миру трагизм советского опыта страданий периода войны, должно вызывать у людей за границей отторжение «сказания о двух тоталитаризмах».

В российской политике памяти о войне мы видим очевидный конфликт антагонистического и агонистского подходов. Секьюритизация памяти о войне нашла отражение не только в дискурсах и новых статьях конституции, но и в организационных мерах. По сообщению Следственного комитета, в его структуре создан отдел, «работа которого будет направлена не только на установление виновных в совершении преступлений в годы войны и реализацию таким образом принципа неотвратимости наказания, но и предотвращение искажения исторических фактов» [Бастрыкин создал специальный отдел..., 2020]. Очевидно, что такой подход находится в противоречии с неоднократно высказанным призывом президента Путина к открытому диалогу по спорным вопросам истории войны. В свете того, что было сказано выше о тенденциях в политическом использовании памяти о Второй мировой войне в международных отношениях, это противоречие является частью более общей картины, и не может быть разрешено лишь как вопрос внутренней политики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.

Астров А. Историческая политика и «онтологическая озабоченность» малых центрально-европейских государств (на примере Эстонии) // *Историческая политика в XXI веке* / под. ред. А. Миллера и М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 184–215.

Бастрыкин создал специальный отдел для борьбы с фальсификацией истории. 10.09.2020 г. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/09/2020/5f5a49f89a79479246b62ea4> (дата обращения – 10 сентября 2020 г.).

Воронович А.А. Роль европейской политики памяти в государственной исторической политике Молдовы и Украины в 2000-х годах // *Политическая наука*. 2018. № 3. С. 167–189.

Выступление Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина на церемонии, посвященной 70-ой годовщине начала Второй мировой войны. Гданьск, 1.09.2009 г. URL: https://poland.mid.ru/samye-vaznye-teksty/-/asset_publisher/r4f7rO-Z8FqMD/content/id/20801116 (дата обращения – 29 июня 2020 г.).

Организаторы «Бессмертного полка онлайн» направят в СК данные провокаторов. 12.05.2020 г. URL: https://www.gazeta.ru/army/news/2020/05/12/14410759.shtml?fbclid=IwAR3_EU9ui8JVghrFJh64WlJounjzAJ_NNvcITSSyWUSvPRdvAr8Bb1-8dN8 (дата обращения – 29 июня 2020 г.).

По итогам переговоров В.В. Путин и Председатель Совета Министров Республики Польша Д. Туск провели совместную пресс-конференцию. Гданьск, 1.09.2009 г. URL: <http://archive.government.ru/docs/4834/> (дата обращения – 29 июня 2020 г.).

Экспозиция «Подвиг Народа». URL: <https://victorymuseum.ru/museum-complex/glavnoe-zdanie-muzeya/ekspozitsiya-podvig-naroda/> (дата обращения – 29 июня 2020 г.).

75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. 19.06.2020 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения – 29 июня 2020 г.).

Bull A.C., Hansen H. On agonistic memory // *Memory Studies*. 2016. Vol. 9(4). Pp. 390–404.

Cichocki M. *Władza i pamięć: o politycznej funkcji historii*. Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, 2005. 274 s.

European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe. Страсбург, 19.09.2019 г. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html?fbclid=IwAR1q6-9tA38UxemNC-V9LUthYV900t1LYoADhhgHT0j43lnGhPgS7m48M (дата обращения – 29 июня 2020 г.).

Feindt G. et al. Entangled memory: toward a third wave in memory studies // *History and Theory*. 2014. Vol. 53. № 1. Pp. 24–44.

Kosiewski P. *Pamięć i polityka zagraniczna*. Warszawa: Fund. im. Stefana Batorego, 2006. 155 s.

Polityka historyczna: historycy – politycy – prasa / Ed. by L. Cichocka, A. Panecka. Warszawa: Muzeum Powstania Warszawskiego, 2005. 272 p.

Radonić L. Post-Communist invocation of Europe: Memorial museums' narratives and the europeanization of memory // *National identities*. 2017. Vol. 19. № 2. Pp. 269–288.

Rossoliński-Liebe G. Der schwierige Umgang mit Kollaboration // *L.I.S.A. Wissenschaftsportal*. 17.09.2020 г. URL: <https://lisa.gerda-henkel-stiftung.de/>

der_schwierige_umgang_mit_kollaboration?nav_id=9364&fbclid=IwAR119nsed92OenR9aRuGOahuohK5AfSpuki0IK_PfJGmBff24mHkiYjr6VE (дата обращения – 18 сентября 2020 г.).

Sémelin J. Dossier: A Decent and True Understanding of the Past. Timothy Snyder and his Critics // *Books & Ideas*. 14.02.2013 г. URL: <https://booksandideas.net/Timothy-Snyder-and-his-Critics.html> (дата обращения – 20 мая 2019 г.).

Stockholm Declaration // *The International Holocaust Remembrance Alliance website*. 2000. URL: <https://www.holocaustremembrance.com/stockholm-declaration> (дата обращения – 20 мая 2019 г.).

US along with 9 NATO friendly countries contested WWII history told by Russia. 08.05.2020 г. URL: <https://www.dispatchnewsdesk.com/us-along-with-9-nato-friendly-countries-contested-wwii-history-told-by-russia/> (дата обращения – 29 июня 2020 г.).

REFERENCES

Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2014. 323 p. (in Russian).

Astrov A. Istoricheskaya politika i "ontologicheskaya ozabochennost'" malykh tsentral'no-yevropeyskikh gosudarstv (na primere Estonii) [Historical politics and "ontological concern" of small Central European states (on the example of Estonia)], in *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical politics in the XXI century] / pod. red. A. Millera i M. Lipman. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2011. Pp. 184–215 (in Russian).

Bastrykin sozdal spetsial'nyy otdel dlya bor'by s fal'sifikatsiyey istorii [Bastrykin created a special department to combat the falsification of history]. 10.09.2020. Available at: <https://www.rbc.ru/society/10/09/2020/5f5a49f89a79479246b62ea4> (accessed 10 September 2020).

Voronovich A.A. Rol' yevropeyskoy politiki pamyati v gosudarstvennoy istoricheskoy politike Moldovy i Ukrainy v 2000-kh godakh [The role of the European policy of memory in the state historical policy of Moldova and Ukraine in the 2000s], in *Politicheskaya nauka*. 2018. № 3. Pp. 167–189 (in Russian).

Vystupleniye Predsedatelya Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii V.V. Putina na tseremonii, posvyashchennoy 70-oy godovshchine nachala Vtoroy mirovoy voyny [Speech by the Chairman of the Government of the Russian Federation V.V. Putin at the ceremony dedicated to the 70th anniversary of the outbreak of World War II]. Gdan'sk, 1.09.2009. Available at: https://poland.mid.ru/samye-vaznye-teksty/-/asset_publisher/r4f7rOZ8FqMD/content/id/20801116 (accessed 29 June 2020).

Organizatory "Bessmertnogo polka onlayn" napravlyat v SK dannyye provokatorov [The organizers of the "Immortal Regiment Online" will send the data of the provocateurs to the Investigative Committee of Russia]. 12.05.2020. Available at: <https://www.gazeta.ru/army/news/2020/05/12/14410759>.

shtml?fbclid=IwAR3_EU9ui8JVgHrFjh64WlJounjzAJ_NNvcITSSyWUSvPRdvAr8Bb1-8dN8 (accessed 29 June 2020).

Po itogam peregovorov V.V. Putin i Predsedatel' Soveta Ministrov Respubliki Pol'sha D. Tusk proveli sovместnuyu press-konferentsiyu [Following the talks, V.V. Putin and Chairman of the Council of Ministers of the Republic of Poland D. Tusk held a joint press conference]. Gdan'sk, 1.09.2009. Available at: <http://archive.government.ru/docs/4834/> (accessed 29 June 2020).

Ekspozitsiya "Podvig Naroda" [Exposition "Feat of the People"]. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527> (accessed 29 June 2020).

75 years of the Great Victory: shared responsibility to history and the future. 19.06.2020. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527> (accessed 29 June 2020).

Bull A.C., Hansen H. On agonistic memory, in *Memory Studies*. 2016. Vol. 9(4). Pp. 390–404.

Cichocki M. *Władza i pamięć: o politycznej funkcji historii* [Power and Memory: About the Political Function of History]. Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, 2005. 274 s. (in Poland).

European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe. Strasburg, 19.09.2019. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html?fbclid=IwAR1q6-9tA38UxemNC-V9LUthYV900t1LYoADhhgHT0j43InGhPgS7m48M (accessed 29 June 2020).

Feindt G. et al. Entangled memory: toward a third wave in memory studies, in *History and Theory*. 2014. Vol. 53. № 1. Pp. 24–44.

Kosiewski P. *Pamięć i polityka zagraniczna* [Memory and foreign policy]. Warszawa: Fund. im. Stefana Batorego, 2006. 155 s. (in Poland).

Polityka historyczna: historycy – politycy – prasa / Ed. by L. Cichocka, A. Panecka. Warszawa: Muzeum Powstania Warszawskiego, 2005. 272 p.

Radonić L. Post-Communist invocation of Europe: Memorial museums' narratives and the europeanization of memory, in *National identities*. 2017. Vol. 19. № 2. Pp. 269–288.

Rossoliński-Liebe G. Der schwierige Umgang mit Kollaboration, in *L.I.S.A. Wissenschaftsportal*. 17.09.2020. Available at: https://lisa.gerda-henkel-stiftung.de/der-schwierige-umgang-mit-kollaboration?nav_id=9364&fbclid=IwAR119nsed92OenR9aRu-G0ahuohK5AfSpuKi0IK_PfJGmBff24mHkiYjr6VE (accessed 18 September 2020).

Sémelin J. Dossier: A Decent and True Understanding of the Past. Timothy Snyder and his Critics, in *Books & Ideas*. 14.02.2013. Available at: <https://booksandideas.net/Timothy-Snyder-and-his-Critics.html> (accessed 20 May 2019).

Stockholm Declaration, in *The International Holocaust Remembrance Alliance website*. 2000. Available at: <https://www.holocaustremembrance.com/stockholm-declaration> (accessed 20 May 2019).

US along with 9 NATO friendly countries contested WWII history told by Russia. 08.05.2020. Available at: <https://www.dispatchnewsdesk.com/us-along-with-9-nato-friendly-countries-contested-wwii-history-told-by-russia/> (accessed 29 June 2020).

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК ЦЕННОСТЬ И ДИСКУРС

К.А. Пахалюк

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые особенности интерпретации войн в современной культуре. Основное внимание уделяется представлению об исторической памяти как дискурсе, посредством которой в политическую и общественную жизнь вносится ценностное измерение. Именно таким образом организуется специфичная символическая игра, в рамках которой различные мнемонические акторы преследуют собственные цели. Сегодня в России «история больше, чем история». В 2010-е гг. она стала самым популярным способом публичного ответа на вопрос о ценностных основаниях российского единства. Удалось найти конкретные места и практики производства этой общности, те локальные и временные отрезки, в которых перформативно производится единство не просто вокруг политики и политиков, а именно на фундаментальном, онтологическом уровне. Доминирование образов войны обусловлено тем, что в их основе лежит идея смерти (героическое самопожертвование или образ жертв чужих преступлений), которая может становиться основанием не абстрактных рассуждений, а весьма конкретных, масштабных политических действий. И благодаря этому политическому потенциалу образы войн выдвигаются на первое место и активно используются, что в свою очередь нередко доходит до профанации.

Ключевые слова: политика памяти, историческая память, ценности, Великая Отечественная война.

MEMORY POLICY AS A VALUE AND DISCOURSE

K.A. Pakhalyuk

Abstract. The article examines the key features of the interpretation of wars in modern culture. The main attention is paid to the idea of historical memory as a discourse, through which a value dimension is introduced into political and social life. This is how a specific symbolic game is organized, within the framework of which various mnemonic actors pursue their own goals. Today in Russia, “history is more than just a history”. In the 2010-s this game has become the most popular way to publicly provide value foundations for Russian polity. It managed to find specific places and practices for the production of political community on the ontological level. The images of war dominate in public space due to the fact that the idea of death (heroic self-sacrifice or the image of victims) is highly emotionally-bound and therefore useful for politicians to inspire collective political actions or justify their policies.

Keywords: politics of memory, historical memory, values, the Great Patriotic War.

Сегодня очень часто задаются вопросы об «образах войны» в сознании и культуре, о связи между участниками и войн, и образами в исторической памяти. Прежде всего, хочу отметить, что понятие «образа» является слишком размытым, под него при желании можно подверстать, что угодно. И этим грешат многочисленные статьи на тему «образов чего-то», рассказывающие обо всем сразу, путая совершенно разные коммуникативные практики и объединяя воедино, например, частное восприятие, особенности газетного языка того времени, и художественную рефлексию. Считать, будто за всем этим стоит некий единый объект, некий единый Образ, которые, словно христианский Бог, воплощаются в разных сущностях – очень смелое утверждение. Одновременно концептуальной натяжкой будет говорить о некоем общественном сознании, или общественном мнении – оно также является порождением особых аналитических процедур (например, опросов) и с точки зрения социологии является спорным [Юдин, 2020]. Благодаря «лингвистическому повороту» 1950-х гг. и «культурному повороту» 1980-х гг. социальные науки научились работать – обозначим максимально широко – с социальным воображением [см.: Барт, 2010; вай Дейк, 2013; Fairclough, 1996; Александер, 2013]. Уйти от «интерпретации интерпретаций» можно, например, за счет применения лингвистических методов анализа, например, сводить многочисленные разговоры о войнах к «ментальным институтам» – понятиям, концептуальным метафорам, фреймам, выявлять регулярности в самой структуре коммуникации. Другой способ – обратиться к прагматике (зачем вообще говорят о войнах?), и этот подход мне кажется наиболее перспективным, если ставить вопрос о месте образов войны в современном мире. Именно этим подходом я руководствовался, когда участвовал в подготовке для «Валдайского клуба» доклада о политическом использовании образов войны в современном мире [Пахалюк, Барабанов, Уль, 2020]. В политическом плане сегодня обращение к образам войн (как современных, так и прошлых эпох) связано с решением двух ключевых политических вопросов: легитимации применения вооруженной силы в современных конфликтах (например, где разница между комбатантами и некомбатантами? в каких случаях и на основе каких критериев можно нарушать суверенитет других стран? и пр.) и производство макрополитической идентичности. Последнее напрямую связано с активизацией политического использования образов прошлого, что характерно и для России, и для зарубежной Европы, и для США, и для других государств. Политики обращались к истории всегда, во все века, однако особенность нашего времени заключается в том, что в публичном пространстве (за пределами академических структур) такие обращения превратились в один из ключевых способов привнесения ценностного измерения в политическую или общественную жизнь. Я говорю о ценностях не просто как о чем-то значимом, а как о некоем запредельном (трансцендентном) пространстве [Каспэ, 2012], пространстве возвышенного (термин Ф. Анкерсмита) [Анкерсмит, 2012], обращение к которому придает высший, прагматический смысл нашей жизни, конкретным политическим действиям. Доминирование военных образов (будь то герои, жертвы, военные преступники), вероятно, связано с мощным эмоциональным потенциалом: речь идет о смерти, о реальном запредельном опыте тех людей, которых уже нет с нами. В центре христианской культуры находится образ Иисуса Христа, который принес себя в жертву во имя спасения человечества. Любое национальное сообщество склонно чтить героев, павших за нее. Опыт революций 2010-х гг. ярко показывает, что некая сакральная жертва (например, акт самосожжения в Египте или расстрел протестующей

толпы на Украине) могут становиться переломной точкой общественных настроений. Объединяя совершенно разные явления, я предлагаю увидеть нечто общее, а именно то, что смерть (героическое самопожертвование или образ жертв чужих преступлений) может становиться основанием не абстрактных рассуждений, а весьма конкретных, масштабных политических действий — вопрос, конечно, в том, как она кодируется. И благодаря этому политическому потенциалу образы войн выдвигаются на первое место и активно используются, что в свою очередь нередко доходит до профанации. В конечном счете в течение нескольких десятилетий сотни людей пытались предложить гражданам России некую национальную идею, но мало предложить — она должна быть воспринята, принята и творчески переработана людьми. И в конечном итоге не нашло ничего, кроме памяти о Великой Отечественной войне, которая благодаря семейным историям, рассказам, весьма эффективно используется как то, что дает возможность гражданам России действительно чувствовать сопричастность общей судьбе.

Несомненно, когда речь заходит о публичной истории и коллективной памяти, разговор сводится к институтам, т.е. неким устойчивым организациям, которые систематически занимаются работой в этой области. Вопрос в том, что подобных акторов становится все больше, и каждый из них руководствуется собственной прагматикой [Исаев, 2016; Хмелевская, 2016]. Что уж говорить, если даже внутри научной корпорации историки-исследователи и архивисты придерживаются нередко противоположных мнений о способах доступа к документам! А ведь многие подобные акторы ставят не только научные цели (достижение истины) при обращении к прошлому. И эта прагматическая сторона составляет реальный предмет политики памяти как *политической* борьбы. Не очень интересно, какие образы сталкиваются, куда интереснее понимать, зачем они нужны и для чего. Соответственно, образы войны также становятся ареной столкновения прагматических интересов (закрепление послевоенного мира или пересмотр его итогов; чувствование своего престижа как победителя или пересмотр своего статуса как агрессора; борьба ветеранов за государственную ренту, жертв военных преступлений за признание своей трагедии и получение компенсаций, военных преступников за оправдание или избежание судебного преследования). И конечно, традиционным акторам памяти — архивам, музеям, библиотекам, научным учреждениям — сложно сохранять нейтральность в этих жарких спорах. Тем более что в современной России в условиях перманентного реформирования и сферы культуры, и сферы образования профессиональной корпорации приходится постоянно участвовать в борьбе если не за расширение, то за сохранение финансирования [Порохня, 2017; Никифоров, 2017]. И именно в этом и состоит сегодня, на мой взгляд, главная задача: обозначить пространство истории как науки и — главное! — отграничить его от всех прочих способов обращений. Ученые никогда не смогут других смотреть на прошлое своими глазами, т.е. для этого эти «другие» должны сами стать историками и частью научной корпорацией. Научная статья и газетный материал никогда не могут быть идентичны. И здесь на первый план выступает историческая экспертиза, которая, с одной стороны, постоянно пытается установить и главное поддерживать границы между научным и вненаучным, а во-вторых, пытаться каким-то образом верифицировать вненаучные способы обращения к истории.

Еще одним направлением изучения политики памяти в современном мире является анализ связи памяти со сменой поколений. Анализ межпоколенческой динамики

является одним из наиболее интересных подходов к изучению политики памяти. Наиболее яркий пример — исследования германского историка А. Ассман, которая именно в этом фоне рассматривала, как в Германии трансформировалась память о преступлениях эпохи нацизма и с середины 1960-х гг. приняла форму конфликта между поколениями [Ассман, 2016]. Молодежный «бунт» 1960-х гг. принял форму дискуссии о Холокосте и сопровождался обвинениями в замалчивании старшим поколением сопричастности к преступлениям военной эпохи. Вопрос в том, что само понятие поколений является весьма дискутируемым в социальных науках, равным образом необходимо определить, что именно подобная теоретическая рамка позволит выявить. Например, В. Радаев в весьма любопытном исследовании о настроениях современной молодежи предложил выделять поколения на основе некоего единого социального опыта, однако само деление на поколения также связано с тем, как мы сами воображаем свою историю [Радаев, 2019].

Сегодня очень часто задаются вопросы: «Какое место войны занимают в современной политике памяти в России и других странах?» или же «В чем причины “войн памяти”, кто является их инициатором и участником?». Мне кажется не совсем верным сводить одновременно память о войне и «войны памяти». Близость этих понятий не логическая, а фонетическая. Практически во всех странах в основе политики памяти лежат события из военной истории, вопрос в том какими смыслами они наполняются (гордость за победы и чествование героев? Скорбь об утерях? Моральное осмысление ответственности за развязывание войн, осуществление военных преступлений?). Другое дело, что сами «войны памяти» оказываются возможными лишь по той причине, что современные политические или общественные конфликты принимают форму «битв за историю». Наверное, не имеем смысла воспринимать каждую общественную дискуссию об истории, каждое непримиримое столкновение позиций именно как «войну памяти», скорее, эта концептуальная метафора [Лакофф, 2012] имеет смысл, если в основе конфликта лежат более серьезные антагонизмы. Более того, восприятие споров о прошлом как «войны» влияет и на то, как сами участники, и внешние наблюдатели выстраивают свои стратегии. Метафора «войны» ведет к радикализации позиций и сужает пространство дискуссий, равным образом непонятно, что в такой войне может быть победой. Например, в основе современных российско-польских «войн памяти» лежат не столько различия в оценках отдельных событий, сколько более серьезные политико-экономические противоречия, усиленные стремлением разминуть внешний конфликт на внутривнутриполитические бонусы отдельными политическими силами. Так, различия подходов к интерпретации т.н. «пакта Молотова — Риббентропа» не является непреодолимой. При желании всегда можно ситуативно найти общий язык, как например, это было сделано на памятной церемонии 2009 г. (к 70-летию начала Второй мировой) в Вестерплатте, в Польше. Тогда В.В. Путин говорил об ошибочности политики «умиротворения» Гитлера в целом, включив в число этих шагов и «пакт Молотова — Риббентропа», в то время как его польский коллега Д. Туск отметил, что Красная армия принесла полякам свободу от нацизма, однако называть это полной свободой счел преждевременным. Можно сказать, что подобные конфликты могут быть и выгодны. Так, начиная с 2010 г. легитимность российской политической системы выстраивается за счет политизации

и секьюритизации культуры (при деполитизации и вытеснения из публичного поля значимых социально-экономических проблем) [Будрайтскис, 2020]. Соответственно, если некая «культурная идентичность», «историческая идентичность» заявляются как «основания нации», то эффективно сформировать образ врагов, которые на эту идентичность покушаются. Соответственно, действия консервативных политиков в Польше или Чехии по сносу монументов, акции откровенных вандалов по отношению к памятникам, связанным с Россией за рубежом, выгодно высвечивать и предавать им нужное звучание: расплывчатый образ «врага, покушающегося на нашу историю», приобретает четкие очертания.

Любое публичное политическое обращение к прошлому нацелено на некую цель, оно должно быть эффективным, а потому убедительным. Убедительность придается не только за счет яркости выступления и внутреннего содержания, но и прежде всего за свет авторитетности того, кто говорит, чьим словам о прошлом можно или нельзя доверять. И здесь одну из первых ролей играет научное сообщество. Как только в конце XX в. началось обсуждение «мемориального бума», то сразу стали говорить о том, что академическое сообщество теряет монополию на интерпретацию истории. Этот тезис верен лишь отчасти. Увеличение количества дискурсивных позиций, откуда происходит производство общественных представлений о прошлом, вовсе не означает, что все они являются равно авторитетными. Наоборот, различные институциональные акторы политики памяти нуждаются в тех, кто мог бы выступать «авторитетным интерпретатором» исторических событий. Журналисты, теледокументалисты при написании статей, создании документальных фильмов, репортажей также нуждаются в тех, кто мог бы выступать от имени науки. Порою они прибегают к откровенным фальсификациям, когда историками именуются публицисты или совершенно непонятные люди, но важен сам факт — назвать публициста «историком» или даже «доктором исторических наук», т.е. авторитетность высказывания обусловлена причастностью к исторической науке. И откровенно говоря, не так много позиций, занимая которые, человек может заявлять публично об авторитетности своего высказывания о военной истории. Помимо представителей исторической науки (сюда стоит включить не только сотрудников академических структур, но и архивов), к ним можно причислить ветеранов и отчасти профессиональных военных. В последние годы на этот статус стали претендовать представители поисковых движений. Подчеркну, что речь не идет именно о реальных знаниях истории, о реальной глубине анализа и пр., я говорю исключительно о публичном пространстве и тех статусах, которые именно в нем — т.е. на ненаучных мероприятиях, на страницах газет, на радио, с телеэкранов и пр. — придают авторитетность высказыванию о прошлом.

Другой аспект, на который надо обратить внимание, это то, что любой актор политики памяти нуждается в тех, кто разобрался бы в самой истории и мог выступить с достоверной экспертизой. И здесь невозможно обойтись без представителей академической науки, которые — и только они! — могут сказать, насколько те или иные интерпретации или факты объективны. Более того, зачастую только ученые могут посоветовать чиновникам или политикам, о чем надо говорить или кого надо увековечивать. Сначала должны были быть ученые, изучившие восстание в лагере смерти Собибор и проанализировавшие роль Александра Печерского в нем, и только потом

могли появиться соответствующее решение В.В. Путина об увековечении памяти о нем, съемки фильма Хабенского, установка многих мемориалов Печерскому и его товарищам в разных городах при поддержке местных администраций. И без ученых, которые ранее занимались историей Собибора, ни политикам, ни чиновникам даже в голову не пришла бы мысль обратить внимание на эту страницу истории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Александр Дж.* Смысл социальной жизни: культурсоциология. М.: Праксис, 2013. 640 с.
- Анкерсмит Ф.* Политическая репрезентация. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012. 288 с.
- Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
- Барт Р.* Мифологии. М.: Академический проект, 2010. 351 с.
- Будрайтскис И.* Мир, который построил Хантингтон и в котором живем все мы. М.: Циолковский, 2020. 160 с.
- Дейк ванн Т.* Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: URSS, 2013. 344 с.
- Исаев Е.* Публичная история в России: научный и учебный контекст формирования нового междисциплинарного поля // *Вестник Пермского университета. Серия История.* 2016. № 2(33). С. 7–13.
- Каспэ С.И.* Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М.: РОССПЭН, 2012. 191 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: URSS, 2012. 252 с.
- Никифоров Ю.А.* Приоритетные задачи современной системы массового исторического образования // *Материалы Первого Всероссийского съезда преподавателей истории в вузах России.* М.: Наука, 2017. С. 126–136.
- Пахалюк К.А., Барабанов О.Н., Уль М.* Не забудем, но простим? Образы войны в культуре и исторической памяти. М.: Валдайский клуб, май 2020. 47 с.
- Порохня В.С.* Мы историю отстояли. Наша задача – добиться ее стабильного преподавания во всех вузах России // *Материалы Первого Всероссийского съезда преподавателей истории в вузах России.* М.: Наука, 2017. С. 22–59.
- Радаев В.* Миллениалы: как меняется российское общество. М.: ВШЭ, 2019. 224 с.
- Хмелевская Ю.Ю.* Историки и «полезное прошлое»: к вопросу о дисциплинарных границах и дисциплинирующих функциях истории в современном обществе // *Вестник Пермского университета. Серия История.* 2016. № 1(32). С. 162–173.
- Юдин Г.* Общественное мнение, или Власть цифр. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. 174 с.
- Fairclough N.* *Language and power.* Edinburgh: Longman Group UK, 1996. 226 p.

REFERENCES

- Aleksander Dzh.* *Smysl social'noj zhizni: kul'tursociologija* [The meaning of social life: cultural sociology]. M.: Praksis, 2013. 640 p. (in Russian).

- Ankersmit F. *Politicheskaja reprezentacija* [Political representation]. M.: Izdatel'skij dom VShJe, 2012. 288 p. (in Russian).
- Assman A. *Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj* [New dissatisfaction with memorial culture]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 232 p. (in Russian).
- Bart R. *Mifologii* [Mythology]. M.: Akademicheskij proekt, 2010. 351 p. (in Russian).
- Budrajtskis I. *Mir, kotoryj postroil Hantington i v kotorom zhivem vse my* [The world that Huntington built and in which we all live]. M.: Ciolkovskij, 2020. 160 p. (in Russian).
- Dejk van T. *Diskurs i vlast'. Reprezentacija dominirovanija v jazyke i kommunikacii* [Discourse and power. Representation of dominance in language and communication]. M.: URSS, 2013. 344 p. (in Russian).
- Isaev E. Publichnaja istorija v Rossii: nauchnyj i uchebnyj kontekst formirovanija novogo mezhdisciplinarnogo polja [Public history in Russia: scientific and educational context of the formation of a new interdisciplinary field], in *Vestnik Permskogo universiteta. Serija Istorija*. 2016. № 2(33). Pp. 7–13 (in Russian).
- Kaspje S.I. *Politicheskaja teologija i nation-building: obshhie polozenija, rossijskij sluchaj* [Political theology and nation-building: general provisions, Russian case]. M.: ROSSPJeN, 2012. 191 p. (in Russian).
- Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metaforj, kotorymi my zhivem* [The Metaphors We Live By]. M.: URSS, 2012. 252 p. (in Russian).
- Nikiforov Ju.A. Prioritetnye zadachi sovremennoj sistemy massovogo istoricheskogo obrazovanija [Priority tasks of the modern system of mass history education], in *Materialy Pervogo Vserossijskogo s"ezda prepodavatelej istorii v vuzah Rossii* [Materials of the First All-Russian Congress of History Teachers in Russian Universities]. M.: Nauka, 2017. Pp. 126–136 (in Russian).
- Pahaljuk K.A., Barabanov O.N., Ul' M. *Ne zabudem, no prostim? Obrazy vojny v kul'ture i istoricheskoy pamjati* [Let's not forget, but forgive? Images of war in culture and historical memory]. M.: Valdajskij klub, maj 2020. 47 p. (in Russian).
- Porohnja V.S. My istoriju otstojali. Nasha zadacha – dobit'sja ee stabil'nogo prepodavanija vo vseh vuzah Rossii [We defended history. Our task is to achieve its stable teaching in all universities of Russia], in *Materialy Pervogo Vserossijskogo s"ezda prepodavatelej istorii v vuzah Rossii* [Materials of the First All-Russian Congress of History Teachers in Russian Universities]. M.: Nauka, 2017. Pp. 22–59 (in Russian).
- Radaev V. *Millenialy: kak menjaetsja rossijskoe obshhestvo* [Millennials: how Russian society is changing]. M.: VShJe, 2019. 224 p. (in Russian).
- Hmelevskaja Ju.Ju. Istoriki i "poleznoe proshloe": k voprosu o disciplinarnyh granicach i disciplinirujushchih funkcijah istorii v sovremennom obshhestve [Historians and the "useful past": on the issue of disciplinary boundaries and disciplining functions of history in modern society], in *Vestnik Permskogo universiteta. Serija Istorija*. 2016. № 1(32). Pp. 162–173 (in Russian).
- Judin G. *Obshhestvennoe mnenie, ili Vlast' cifr* [Public Opinion, or the Power of Figures]. SPb.: Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge, 2020. 174 p. (in Russian).
- Fairclough N. *Language and power*. Edinburgh: Longman Group UK, 1996. 226 p.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ РОССИИ

М.А. Пономарева

Аннотация. В данной статье рассматривается роль профессионального исторического сообщества в современной политике памяти о Великой Отечественной войне в России. Обосновывается идея о том, что культурный поворот определил методологию обращения к военной тематике через призму двух важнейших подходов: политического, когда история отвечает актуальным запросам текущего развития общества и комплексного, как ответа на разностороннее социально-экономическое и культурное развитие общества. При этом, выявление «национального кода» как часть культурного поворота рассматривается в качестве важнейшей методологической составляющей изучения исторической памяти и формирования национальной исторической политики. В статье дается характеристика деятельности основных общественных, научных и государственных институтов: «Победа», РВИО, РИО, центров изучения памяти и др. Автор рассматривает внутренние и внешние противоречия, которые возникают у профессионального сообщества при реализации исторической политики, описывает особенности просветительской деятельности. Раскрывается педагогический аспект исторической политики, ставится вопрос о роли педагогов и профессиональных историков в «войнах памяти». Делается вывод о процессе институционализации исторической политики в современной России и возрастающей роли в данном процессе профессионального сообщества.

Ключевые слова: историческая политика, историческая память, Великая Отечественная война, институты памяти, преподавание истории Великой Отечественной войны.

Пономарева Мария Александровна, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории XX–XXI веков, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ponomariya@sfnu.ru.

PROFESSIONAL HISTORIANS AND MEMORY POLICY IN MODERN RUSSIA

M.A. Ponomareva

Abstract. This article examines the role of the professional historical community in the modern policy of memory of the great Patriotic war in Russia. The author substantiates the idea that the cultural turn has determined the methodology of addressing military issues through the prism of two major approaches: political, when history meets the current needs of the current development of society, and complex, as a response to the diverse socio-economic and cultural development of society. At the same time, the identification of the “national code” as part of the cultural turn is considered as the most important methodological component of the study of historical memory and the formation of national historical policy. The article describes the activities of the main public, scientific and state institutions: “Victory”, Russian Military Historical Society, Russian Historical Society, centers for the study of memory, etc. The author examines the internal and external contradictions that arise in the professional community in the implementation of historical policy, describes the features of educational activities. The author reveals the pedagogical aspect of historical policy, raises the question of the role of teachers and professional historians in the “wars of memory”. The conclusion is about the process of institutionalization of historical politics in modern Russia and the increasing role of the professional community.

Keywords: politics of memory, historical memory, the Great Patriotic War, institutes of memory, teaching the history of the Great Patriotic War.

Ponomareva Maria A., Candidate of Science (History), Head of the Department of National History of the XX–XXI centuries, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, 105/42 Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russia, ponomariya@sfedu.ru.

П.Н. Милюков в «Очерках по истории русской культуры» отмечал, что истинный смысл истории заключается не в биографиях вождей, а в «жизни народной массы», поскольку «ни один свидетель-очевидец не может ни видеть, ни запомнить, ни передать безошибочно всех подробностей жизни известного лица» [Милюков, 1896, с. 3–4]. Новый методологический поворот отодвинул на второй план историю событий перед историей быта – учреждений и нравов. То есть изучение внешней истории (политической) уступило место истории внутренней (бытовой и культурной). Культурный поворот, составивший методологию значительной части российских исследований вт. пол. XIX–начала XX в., о котором рассуждал П.Н. Милюков, и о котором вновь массово заговорили в России спустя более чем сто лет [Бахманн-Медик, 2017], означал и до сих пор означает для историков выбор одного из трех направлений: возвращение к изучению политической истории государства; обращение к социальным, экономическим, культурным особенностям страны во всем комплексе «внутренних противоречий»; сосредоточение исключительно на духовной составляющей жизни общества. В исторической науке в Советской России утвердилось преимущественно первое направление, по сути представлявшее собой социологию истории, т.е. изучение исторического прошлого в политическом контексте в ракурсе статистических изменений и общественных отношений, что отличало ее от ранее бытовавшего в исторической науке метода описания «деятельности вождей». Процесс формирования исторической политики основывался, в том числе, на выявлении «национального кода», изучении процессов его развития и обоснованности социальной востребованности тех или иных аспектов исторического прошлого исходя из текущей актуальной повестки.

На современном этапе вновь актуален вопрос о выборе адекватных методологических критериев для изучения процессов формирования исторической памяти о социально-значимых событиях для страны, среди которых первостепенную роль играет Великая Отечественная война. В связи с этим, перед каждым исследователем памяти о войне возникают два вопроса: во-первых, стоит ли профессиональным историкам сохранять отстраненную позицию находящегося в «башне из слоновой кости», либо необходимо адаптировать профессиональные знания и транслировать их в общество, например, участвуя в просветительской деятельности? Во-вторых, возможно ли изучение исторической памяти, а уж тем более участие в процессе формирования исторической политики, вне взаимодействия с государственными структурами и вне актуальных политических задач для правительства в конкретный момент времени? Дилемма осложняется тем, что тема войны – одна из наиболее эмоционально воспринимаемых как обществом в целом, так и каждым представителем исторического сообщества. Пожалуй, на сегодняшний день ответы на данные вопросы неоднозначны. Важно, что историк войны неизбежно участвует в процессе формирования исторической политики, поскольку проблемы, связанные с военной историей периода 1941–1945 гг. в современной России фактически представляют собой важнейший механизм сплочения нации.

М. Хальбвакс обратил внимание на известный парадокс: «коллективная память не совпадает с историей и ... выражение «историческая память» выбрано не очень удачно, потому что оно связывает два противоположных во многих отношениях понятия...» [Хальбвакс, 2005]. Носителем всякой коллективной памяти является группа, ограниченная в пространстве и времени. История, которая является универсальной памятью человечества, начинается именно тогда, когда заканчивается коллективная память. Вслед за М. Хальбваксом целый ряд исследователей, в том числе и принимающие участие в данной дискуссии, сформировали методологическую основу для изучения особенностей именно российской (советской, имперской исторической памяти) [см.: Хаттон, 2004; Диалоги со временем, 2008; Миллер, 2008; Миллер, Ефременко, 2020]. История рассматривается как цепь преступлений и стремление человеческих коллективов представить себя в качестве их жертв [Копосов, 2011], а термин «историческая политика» понимается как интенсивное вмешательство в трактовку истории со стороны государственного аппарата, политической элиты [Вяземский, 2011].

История Великой Отечественной войны оказалась одной из тех тем, которая стала благоприятной почвой как для формирования национальной исторической памяти в разных странах, так и одновременно, ареной многочисленных «войн памяти». К уже известным «Институтам национальной памяти», появившимся в Восточной Европе начиная со второй половины 1990-х гг. (в Польше, Словакии, Венгрии, Чехии, Румынии, Украине), которые одновременно представляют собой конгломерат самых крупных держателей архивных документов, «мыслительных национальных центров» и мест выработки прикладных исторических решений, в последнее время присоединились США (Архив Национальной Безопасности (Университет Дж. Вашингтона) и другие европейские страны [см.: Курилла, 2020; Кирчанов, 2017].

В России процесс институционализации исторической политики идет несколько иным путем. Создан российский организационный комитет «Победа», который представляет собой совещательный и консультативный орган при Президенте Российской Федерации с целью проведения единой государственной политики в области патриотического воспитания граждан и в отношении ветеранов. В частности, на заседании данного комитета, состоявшемся 20 апреля 2020 г. в Кремле, был поставлен вопрос о противодействии «подтасовыванию исторических фактов о Великой Отечественной войне». В процесс формирования исторической политики активно вовлекается профессиональное сообщество. Опираясь на формулировку «институты исторической памяти – архивы, библиотеки и музеи», – российские исследователи из РАН и ведущих вузов страны занимаются изучением коллективной и поколенческой памяти в условиях изменения геополитической системы мира. В научных организациях, вузах созданы и активно действуют соответствующие центры, например, «Центр изучения культурной памяти и символической политики (ЕУСПб), Центр изучения исторической памяти (в Томском областном краеведческом музее), лаборатория исторической памяти в ЮФУ и др.

Кроме того, в России историческая память и историческая политика стали объектом приложения сил различных общественных научных, образовательных и просветительских организаций. Например, речь может идти о таких организациях, как «Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память», Поисковое движение России, Российское военно-историческое общество (РВИО), Российское историческое общество (РИО), Ассоциация историков Второй мировой войны, которые занимаются поисковой деятельностью, публикацией архивных документов, воспоминаний о войне, учебников и учебных пособий. Кроме того, в сферу их интересов входит практическая деятельность – установка памятников (последние из них – Ржевский мемориальный комплекс, мемориальный комплекс Самбекские высоты), а также работа по восстановлению имен неизвестных солдат, захоронение найденных останков. Выявление еще здравствующих нацистов становится одним из важных аспектов деятельности (яркий пример – Гельмут Оберлендер, служивший под командованием Курта Кристмана под именем «доктор Ронда», в Зондеркоманде 10А в составе Айнзацгруппы D, причастной к расстрелу советских граждан в Змиевской балке в Ростове-на-Дону и расстрелу детского дома в г. Ейске. Как известно, в Канаде процесс над 96-летним Г. Оберлендером идет уже несколько лет, поставлен вопрос о его депортации).

В рамках целого ряда федеральных проектов, инициированных как государственными структурами, так и общественными организациями (создание интернет-карт мемориальных комплексов, сайтов архивных документов, проект «Без срока давности» и др.) ведущую роль играют архивисты, музейные работники, историки. Именно их стараниями происходит отбор документов, анализ, создание (либо уточнение) исторического контента.

Одновременно с этим процессом развивается иное направление научной деятельности: изучение вопросов, опережающих либо углубляющих государственную повестку: экономический ущерб, коллаборационизм, участь военнопленных и условия их содержания на оккупированных территориях, партизанское движение в СССР, взаимодействие с движением сопротивления, внешняя политика СССР в отношении союзников и иных стран в период войны, проблемы штрафных батальонов и заградительных отрядов [Рубцов, 2020] и др. Активное развитие антропологического подхода к войне позволило поместить в фокус изучения роль женщины, высветило тему военного детства, бытовой жизни солдат, тему концентрационных лагерей [Военно-историческая антропология, 2002; Сенявская, 2006; Аристов, 2020]. При этом, если тематика, которой занимается историк, совпадает с целями и задачами той или иной общественной организации (в частности, РИО, РВИО, «Двуглавый орел» и др.), последние активно и с удовольствием поддерживают исследования, предоставляют гранты и площадки для профессионального обмена мнениями, помогают в публикации монографий или, например, воспоминаний и мемуаров военных деятелей.

Важнейшим ответом на искажение памяти является массовая публикация архивных документов, устных свидетельств. У. Ширер в предисловии к своей «Истории

Третьего Рейха» описывает лишь немногий массив документальных свидетельств о нацистском режиме, сложившийся уже во второй половине 1940-х гг., включая свидетельские показания и документы, мимеографические копии Нюрнбергского процесса, 458 тонн материалов министерства иностранных дел Германии и т.д. [Ширер, 2019, с. 6–7]. В СССР были опубликованы материалы Нюрнбергского процесса, практически сразу же после войны были доступны иные документы [Нюрнбергский процесс, 1965; Нюрнбергский процесс, 1987–1999; Отомстим, 1944; Документы обвиняют, 1943]. Необходимо отметить, что в последние несколько лет в России мы наблюдаем вал публикаций документов и монографий, сборников научных статей об истории Великой Отечественной войны. В частности, в последние годы вышла целая серия подобного рода публикаций: сборник «Черная книга», работа над которым была завершена еще в 1944 г., однако впервые изданного в России только в 2015 г. [Черная книга, 2015]. Как известно, содержание сборника обусловлено присланными И. Эренбургу письмами с фронта, дневниками, предсмертными письмами, свидетельскими показаниями очевидцев во время следствия, проводимого ЧГК. Значительно дополняет источниковую базу по истории войны сборник из двухсот статей, написанных И. Эренбургом в период с 1941-го по 1945 гг. [Эренбург, 2020] и др. Одно из последних изданий архивных документов – 24-т. серия «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны», подготовлена коллективом авторов, проживающих во временно оккупированных во время Великой Отечественной войны регионах страны. Каждый том посвящен характеристике жизни граждан СССР в период оккупации [Без срока давности, 2020]. Данная серия стала результатом глобального федерального проекта «Без срока давности», объединившего конгломерат ведущих архивистов, музейных работников, ученых России – специалистов по истории Великой Отечественной войны.

Текущей задачей институтов памяти является создание таких информационных систем, которые могут дать возможность воспользоваться научно-справочным аппаратом к своим коллекциям и собраниям в условиях удаленного доступа, то есть через сеть Интернет. Отдельно следует сказать об интернет-порталах, на которых выложены уникальные исторические документы: «Документы XX века», Федеральный архивный проект «Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.» [Документы, 2019; Преступления нацистов, 2019]. На страницах федеральных и региональных архивов обязательно присутствуют вкладки, посвященные истории страны в этот период. Интересным проектом является портал «Память народа», на котором любой желающий может установить судьбу родственников, принимавших участие в Великой Отечественной войне, найти информацию о награждениях, ознакомиться с подлинными архивными документами, содержащими информацию об участниках войны и о ходе войны. Требуется особое внимание открытый интернет-архив РИО «Документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации по теме «Освобождение Европы от фашистских

захватчиков 1944–1945 гг.», в котором опубликованы материалы об освобождении частями Красной Армии оккупированной территории Европы, многочисленных потерях личного состава войск и взаимодействии советских военнослужащих с местным населением. Совместный проект Архива национальной безопасности Университета Джорджа Вашингтона и Аспирантуры российских исследований Института международных исследований Миддлбери в Монтерее содержит большой массив архивных документов по истории послевоенного мира, в частности, истории холодной войны. Начался процесс постепенного снятия грифа секретности с фондов НКВД-МВД-МГБ-ФСБ. Тем не менее, далеко не все архивные документы как региональных архивов, так и спецслужб, доступны исследователям. У профессионального сообщества по-прежнему остается ряд вопросов к опубликованному корпусу документов: каковы критерии отбора размещенных архивов, носят ли документы выборочный, либо сплошной характер, насколько типическими являются приведенные данные и т.д. Однако, необходимо отметить, что за последние несколько лет количество опубликованных архивных источников по истории Великой Отечественной войны на открытых ресурсах значительно увеличилось, и облегчен доступ к ним для любого интересующегося.

В связи с этим, возникает необходимость в двух важнейших аспектах сохранения исторической памяти: в передаче исторического опыта (от учителя к ученику) и в мемориализации прошлого. В конце концов, как справедливо заметил В.З. Лакер в ответе на вопрос Вл. Абарина о противоядии в современном обществе против нацизма: «Инициатива должна исходить от общества, и, если большинство скажет: «Это не наше дело», – государство мало что может сделать» [Ширер, 2019, с. 1212]. Историческая память молодежи в наибольшей степени важна для сохранения национальной идентичности, следовательно, позиция учителя-историка становится одной из ключевых в данном процессе.

Педагогический аспект исторической политики в отношении к событиям 1941–1945 гг. строится на высказывании И. Эренбурга в одной из статей, написанных в июле 1943 г: «Не потому мы презираем немцев, что они – немцы, а мы – русские... Наша правда выходит из пределов государственных границ. Нас приветствует в нашем деле уничтожения гитлеровцев Томас Манн... Мы сражаемся на истину, за справедливость, за торжество добродетели» [Эренбург, 2020, с. 326]. Этим обусловлен ряд внутренних и международных правительственных шагов. Например, по инициативе президента Франции Э. Макрона в Совете Европы появится программа «Обсерватория», суть которой заключается в изучении состояния преподавания истории в школах. По итогам предполагается проведение «круглого стола» о методах преподавания истории Второй мировой войны, сообщество учителей истории Европы «Евроклио» предложило рассмотреть тему совместных учебников [Чубарьян, 2020].

Главная роль учителя согласно последним федеральным стандартам – не просто ретрансляционная, но, скорее, консультационная: помочь ребенку составить или откорректировать программу самообразования, подобрать нужную

литературу, поставить познавательную задачу, адекватную интересам и возможностям ученика, своевременно его проконсультировать и проконтролировать» [Селихова, 2012]. При этом, значительно возрастает функция «работы учителя по предоставленным методикам», что подтверждает пусть и медленно, но верно продолжающийся процесс унификации учебников, методических материалов для вузов и школ. Написание исторического содержания, выделение основных проблем, методик и форм работы с обучающимися – результат совместной работы ученых и педагогов в рамках актуальных вопросов российской исторической политики. Сегодня как раз ставится вопрос о необходимости изменения разделов, посвященных истории Великой Отечественной войны, в школьных и вузовских учебниках, необходимости введения единого модуля в вузах (данный модуль разрабатывает Псковский государственный университет), включающего такие понятия как «геноцид советского народа» на оккупированных территориях и «подвиг народа» в Великой Отечественной войне. Коллегия министерства просвещения и Российское историческое общество утвердили обновленную концепцию преподавания истории в средней школе, созданную под руководством научного руководителя Института всеобщей истории РАН А.О. Чубарьяна. В рамках данной концепции предполагается многоуровневое изучение истории. Важная роль в формировании исторической политики и сохранении исторической памяти отводится региональным историкам, поскольку оба этих процесса зависят от их позиции и способов подачи материала ученикам и формы гармонизации краеведческой тематики с федеральным содержанием истории. Однако, более точное определение места и роли краеведческого компонента в новой концепции предполагается обсудить на Всероссийском совещании по региональной истории.

В 2019 г. в здании Министерства культуры Российской Федерации состоялась знаковая для понимания содержания и принципов преподавания истории Великой Отечественной войны в учебных заведениях конференция «Преподавание военной истории в России и за рубежом», организаторами которой выступили РВИО, Институт истории и политики МГПУ, Институт стратегии образования РАО, корпорация «Российский учебник» и журнал «Преподавание истории в школе». Главной целью собравшихся педагогов и военных историков было заявлено: сквозь призму различных теоретико-методологических подходов рассмотреть междисциплинарные измерения коллективной памяти о войне и те ценности, которые формируются при изучении прошлого. В рамках конференции участники пришли к выводу, что в условиях размывания исторического сознания в Европе, после принятия резолюции Европарламента в сентябре 2019 г. «О важности европейской исторической памяти для будущего Европы», в котором «дается оценка, что коммунизм был «идеологическим близнецом» нацизма, а СССР разделяет с Германией равную вину за начало войны», преподавание военной истории в России должно решать такие задачи, как: «разработка и внедрение междисциплинарных курсов преподавания военной истории в России; создание для этого специальной и действующей образовательной

среды; противодействие фальсификации и искажению истории; осуществление задач духовно-нравственного воспитания» [Преподавание военной истории, 2020, с. 8–9].

Возвращаясь к выдающимся деятелям конца XIX–начала XX в., нужно отметить, что постановка вопроса об исторической памяти, исторической политике и их соответствии народному характеру представляла собой актуальную научную и общественную повестку. Безусловно, данный процесс был вызван как нестабильностью существовавшей геополитической повестки, так и внутренними политическими и экономическими противоречиями. Н. Бердяев в своей статье «Душа России» писал относительно, правда, другой войны – Первой мировой: «Россия призвана быть освободительницей народов. Эта миссия заложена в ее особенном духе... Эта миссия России выявляется в нынешнюю войну. Россия не имеет корыстных стремлений» [Бердяев, 1992, с. 300]. Интересно, что для Э. Ренана, которого в современной историографии принято считать одним из ключевых теоретиков национальной памяти, «душа» также обозначала не что иное, как коллективную память народа. В данном докладе, прочитанном в 1882 г. в Сорбонне, Э. Ренан поставил знак равенства между «душой» и национальной идентичностью [Ренан, 1902, с. 87–101].

Оперативная память общества, или память трех поколений, опирающаяся на непосредственное общение с ветеранами и участниками событий Великой Отечественной войны, постепенно перестает быть экзистенциальным семейным, а следовательно, общественным опытом [Ассман, 2014, с. 22–23]. Как писал Л. Рис в своей книге «Освенцим», с момента смерти последнего узника или преступника «возникнет опасность того, что эта история канет в прошлое и станет просто еще одним ужасным событием среди многих», а будущие поколения станут воспринимать произошедшее, «как очередной факт из прошлого» [Рис, 2019, с. 405]. Опасности забвения на сегодняшний день активно противостоят органы государственной власти и общественные организации. Происходит процесс институционализации исторической памяти о Великой Отечественной войне. Вместе с тем важнейшую роль в сохранении исторической памяти и формировании исторической политики играет профессиональное сообщество. Профессиональная деятельность ученого и преподавателя формирует представления о прошлом страны. Содержание исторической памяти в условиях, когда непосредственных участников событий становится все меньше, устная передача опыта затруднена и в скором времени станет невозможной, понимание процессов и событий, происходивших во время Великой Отечественной войны, постановка вопросов к конкретному историческому материалу и его толкование станут важнейшими факторами формирования исторической памяти о войне. Роль школьного учителя либо преподавателя вузов при этом также значительно вырастет, поскольку от степени его профессионализма в подходах к методическому материалу будет зависеть формирование у нового поколения представлений о войне и участии в ней советского народа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Аристов С. Повседневная жизнь нацистских концентрационных лагерей. М.: Молодая гвардия, 2017. 319 с.
- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014. 328 с.
- Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: НЛО, 2017. 504 с.
- Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Ростовская область: Сб. док. / под ред. М.А. Пономаревой; отв. ред. О.А. Литвиненко; отв. сост. Л.В. Левендорская; авт. науч. ст. Е.Ф. Кринко, М.А. Пономарева; авт. археогр. предисл. С.Д. Кононыхина, Л.В. Левендорская, Е.В. Милосавлевич, Н. А. Трапш. М.: Фонд «Связь Эпох»: «Издательство «Кучково поле», 2020. 464 с.
- Бердяев Н. Душа России // *Русская идея*. М.: Республика, 1992. С. 295–313.
- Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. / отв. ред. и сост. Е.С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2002. 400 с.
- Вяземский Е.Е. Историческая политика государства, историческая память и содержание школьного курса истории России // *Проблемы современного образования*. 2011. №6. С. 91–92.
- Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / отв. ред. Л. П. Репина. М.: Кругъ, 2008. 800 с.
- Документы XX века // URL: <http://doc20vek.ru/node/4074> (дата обращения – 01 ноября 2019 г.).
- Документы обвиняют: Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. М., 1943. Вып. 1.
- Кирчанов М.В. Историческая политика памяти и война с памятниками в США // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2017. №12 (576). С. 63–75.
- Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. М.: НЛО, 2011. 320 с.
- Курилла И.И. Политика памяти: вариант США. // *Политическая наука*. 2020. №4. // URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=17995> Алтайская школа политических исследований (дата обращения – 01 декабря 2020 г.).
- Миллер А. История империй и политика памяти // *Россия в глобальной политике*. 2008. № 4. С. 118–134.
- Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб.: тип. Скороходова, 1896. 237 с.
- Нюрнбергский процесс: сборник документов (Приложения) / под редакцией А.В. Борисова. М., 1965. 596 с. URL: http://samlib.ru/b/borisow_aleksej_wiktorowich/nj

urnbergskijprocesssbornikdokumentowprilozhenija.shtml (дата обращения – 01 ноября 2019 г.).

Нюрнбергский процесс: сб. мат. в 8 томах. М.: Юридическая литература, 1987–1999. Отомстим! О зверствах фашистов в Ростовской области: [Сборник]. Ростов н/Д, 1944.

Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с.

Преступления нацистов и их пособников против мирного населения СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Федеральный архивный проект // URL: <http://victims.rusarchives.ru/prestupleniya-protiv-chelovechnosti/atd> (дата обращения – 01 ноября 2019 г.).

Преподавание военной истории в России и за рубежом: Сб. ст. Вып. 2. Под ред. К.А. Пахалюка. М.; СПб.: Нестор–История, 2019. 256 с.

Ренан Э. Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11-го марта 1882 года. // Ренан Э. *Собрание сочинений в 12-ти томах*. Пер. с фр. под ред. В.Н. Михайловского. Т. 6. Киев, 1902.

Рис Л. Освенцим: Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса». М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. 448 с.

Рубцов Ю.В. Обиды на Россию не имели. Штрафные и заградительные формирования в годы Великой Отечественной войны. М.: Вече, 2020. 384 с.

Салихова Л.Ф. Роль учителя в реализации федеральных стандартов // *Обучение и воспитание: методики и практика*. 2012. №1. С. 342–347.

Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память. // *Неприкосновенный запас*. 2005. №2–3(40–41). URL: <https://magazines.gorky.media/> (дата обращения – 01 декабря 2020 г.).

Хаттон Патрик П. История как искусство памяти. СПб: Владимир Даль, 2004. 424 с. «Черная книга»: о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в гитлеровских лагерях уничтожения на территории Польши во время войны 1941–1945 гг. / под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М.: АСТ: CORPUS, 2015. 768 с.

Чубарьян А.О. Преподаванием истории в школе недовольны во всем мире // *Российская газета. Федеральный выпуск*. 2020. 24 ноября. № 264 (8318).

Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха. М.: АСТ, 2019. 1216 с.

Эренбург И.Г. Война. 1941–1945. М.: АСТ, 2020. 576 с.

Эренбург И.Г. Роль писателя // *Эренбург И. Г. Война. 1941–1945*. М.: АСТ, 2020. С. 323–331.

REFERENCES

Aristov St. *Povsednevnyaya zhizn' natsistskikh kontsentratsionnykh lagerei* [Everyday life of Nazi concentration camps]. M.: Molodaya gvardiya, 2017. 319 p. (in Russian).

Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. M.: NLO, 2014. 328 p. (in Russian).

Bakhmann-Medik D. *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukakh o kul'ture* [Cultural turns. New reference points in the Sciences of culture]. M.: NLO, 2017. 504 p. (in Russian).

Bez sroka давности: prestupleniya natsistov i ikh posobnikov protiv mirnogo naseleniya na okkupirovannoi territorii RSFSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Rostovskaya oblast': Sb. Dok [No Statute of limitations: crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Rostov oblast: Sat. Doc]. / pod red. M.A. Ponomarevoi; otv. red. O.A. Litvinenko; otv. sost. L.V. Levendorskaya; avt. nauch. st. E.F. Krinko, M.A. Ponomareva; avt. arkheogr. predisl. S.D. Kononykhina, L.V. Levendorskaya, E.V. Milosavlevich, N.A. Trapsh. M.: Fond "Svyaz' Epokh": Izdatel'stvo "Kuchkovo pole", 2020. 464 p. (in Russian).

Berdyayev N. *Dusha Rossii* [The Soul of Russia], in *Russkaya ideya* [Russian Idea]. M.: Respublika, 1992. Pp. 295–313. (in Russian).

Voенно-istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik, 2002. Predmet, zadachi, perspektivy razvitiya [Military-historical anthropology. Yearbook, 2002. Subject, tasks, and development prospects]. / otv. red. i sost. E.S. Senyavskaya. M.: ROSSPEN, 2002. 400 p. (in Russian).

Vyazemskii E.E. *Istoricheskaya politika gosudarstva, istoricheskaya pamyat' i sodержanie shkol'nogo kursa istorii Rossii* [Historical policy of the state, historical memory and content of the school course of the history of Russia], in *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2011. №6. Pp. 91–92. (in Russian).

Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii [Dialogues with time: memory of the past in the context of history] / otv. red. L. P. Repina. M.: Krug», 2008. 800 p. (in Russian).

Dokumenty XX veka [Documents of the XX century] Available at: <http://doc20vek.ru/node/4074>. (accessed 1 November 2020).

Dokumenty obvinayut: Sbornik dokumentov o chudovishchnykh zverstvakh germanskikh vlastei na vremенно zakhvachennykh imi sovetskikh territoriyakh [Documents accuse: a Collection of documents about the monstrous atrocities of the German authorities in the temporarily captured Soviet territories]. M., 1943. Vyp. 1. (in Russian).

Kirchanov M.V. *Istoricheskaya politika pamyati i voina s pamyatnikami v SShA* [Historical memory politics and war monuments], in *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*. 2017. №12 (576). Pp. 63–75. (in Russian).

Koposov N.E. *Pamyat' strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii* [Memory of strict regime. History and politics in Russia]. M.: NLO, 2011. 320 p. (in Russian).

Kurilla I.I. *Politika pamyati: variant SShA*. // *Politicheskaya nauka*. 2020. №4. [Politics of memory: a variant of the USA] Available at: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=17995>. Altaiskaya shkola politicheskikh issledovaniy (accessed 1 November 2020).

Miller A. *Istoriya imperii i politika pamyati* [History of empires and politics of memory], in *Rossiya v global'noi politike*. 2008. №4. Pp. 118–134. (in Russian).

Milyukov P.N. *Ocherki po istorii russkoi kul'tury* [Essays on the history of Russian culture]. SPb.: tip. Skorokhodova, 1896. 237 p. (in Russian).

Nyurnbergskii protsess: sbornik dokumentov (Prilozheniya) [The Nuremberg trial: collection of documents (Appendices)] / pod redaktsiei A.V. Borisova. M., 1965. 596 p. Available at: http://samlib.ru/b/borisov_aleksej_wiktorowich/njurnbergskijprocesssbornikdokumentowprilozhenija.shtml (accessed 1 November 2020).

Nyurnbergskii protsess: sb. mat. v 8 tomakh [Nuremberg trial]. M: Yuridicheskaya literatura, 1987–1999. (in Russian).

Otomstim! O zverstvakh fashistov v Rostovskoi oblasti [Revenge! About the atrocities of the fascists in the Rostov region]: [Sbornik]. Rostov n/D, 1944. (in Russian).

Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy: kollektivnaya monografiya [The politics of memory in modern Russia and Eastern Europe. Actors, institutes, narratives: a collective monograph] / pod red. A. I. Millera, D. V. Efremenko. SPb.: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020. 632 p. (in Russian).

Prestupleniya natsistov i ikh posobnikov protiv mirnogo naseleniya SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. Federal'nyi arkhivnyi proekt [Crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population of the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945. Federal archive project] Available at: <http://victims.rusarchives.ru/prestupleniya-protiv-chelovechnosti/atd>. (accessed 1 November 2020).

Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom: Sb. st. Vyp. 2. [Teaching military history in Russia and abroad] // pod red. K. A. Pakhalyuka. M.; SPb.: Nestor–Istoriya, 2019. 256 p. (in Russian).

Renan E. *Chto takoe natsiya? Doklad, pročitannyi v Sorbonne 11-go marta 1882 goda* [What is a nation? Report read at the Sorbonne on March 11, 1882], in Renan E. *Sobranie sochinenii v 12-ti tomakh*. Per. s fr. pod red. V. N. Mikhailovskogo. T. 6. Kiev, 1902. (in Russian).

Ris L. *Osventsim: Natsisty i "okonchatel'noe reshenie evreiskogo voprosa"* [Auschwitz: the Nazis and the "final solution to the Jewish question"]. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2019. 448 p. (in Russian).

Rubtsov Yu.V. *Obidy na Rossiyu ne imeli. Shtrafnye i zagraditel'nye formirovaniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Resentment against Russia did not have. Penalty and barrage formations during the Great Patriotic War]. M.: Veche, 2020. 384 p. (in Russian).

Salikhova L.F. *Rol' uchitelya v realizatsii federal'nykh standartov* [The role of teachers in the implementation of Federal standards], in *Obuchenie i vospitanie: metodiki i praktika*. 2012. №1. Pp. 342–347. (in Russian).

Senyavskaya E.S. *Protivniki Rossii v voynakh XX veka: Evolyutsiya "obraza vraga" v soznanii armii i obshchestva* [Opponents of Russia in the wars of the XX century: the Evolution of the "image of the enemy" in the minds of the army and society]. M.: ROSSPEN, 2006. 288 p. (in Russian).

Khal'bvaks M. *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'* [The Collective and historical memory], in *Neprikosnovennyi zapas*. 2005. № 2–3(40–41). Available at: <https://magazines.gorky.media/> (accessed 1 November 2020).

Khatton Patrik P. *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as the art of memory] SPb: Vladimir Dal', 2004. 424 p. (in Russian).

"Chernaya kniga": o zlodeiskom povsemestnom ubiistve evreev nemetsko-fashistskimi zakhvatchikami vo vremenno okkupirovannykh raionakh Sovetskogo Soyuza i v gitlerovskikh lageryakh unichtozheniya na territorii Pol'shi vo vremya voiny 1941–1945 gg. ["The black book": about the villainous widespread murder of Jews by German-fascist invaders in the temporarily occupied areas of the Soviet Union and in Hitler's extermination camps on the territory of Poland during the war of 1941–1945] / pod red. V. Grossmana, I. Erenburga. M.: AST: CORPUS, 2015. 768 p. (in Russian).

Chubar'yan A.O. *Prepodavaniem istorii v shkole nedovol'ny vo vsem mire* [Teaching history at school is dissatisfied all over the world], in *Rossiiskaya gazeta. Federal'nyi vypusk*. 2020. 24 noyabrya. № 264 (8318) (in Russian).

Shirer U. *Vzlet i padenie Tret'ego Reikha* [The rise and fall of the Third Reich]. M.: AST, 2019. 1216 p. (in Russian).

Erenburg I.G. *Voina. 1941–1945* [War. 1941–1945]. M.: AST, 2020. 576 p. (in Russian).

Erenburg I.G. *Rol' pisatelya*. [The role of the writer], in Erenburg I.G. *Voina. 1941–1945*. M.: AST, 2020. Pp. 323–331 (in Russian).

ВОЗМОЖНА ЛИ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ БЕЗ «ВОЙН ПАМЯТИ»?

Л.А. Терушкин

Аннотация. Статья подготовлена с целью участия в дискуссии об отражении Второй мировой и Великой Отечественной войны в различных формах исторической памяти, общественном сознании, повседневности. При этом ставится задача изучения формирования исторической памяти на постсоветском пространстве, причин и характера «войн памяти», их политической направленности. Автор стремится рассмотреть многообразие образов и символов военной истории не только участников боевых действий, но также жертв войны, преступлений нацизма. В основном использованы и проанализированы опубликованные документы и сборники научных статей, изданные за последние двадцать лет, свидетельства современников и участников событий войны. В статье делается вывод о необходимости значительных изменений в формировании современных образов и символов участников войны общими, координированными усилиями российских и зарубежных историков, педагогов. Необходимо больше уделять внимания конкретным рядовым участникам тех событий, возрождению интереса к макроистории путем погружения в частную и региональную историю, привлекая в научный оборот документы семейных и личных архивов. Приводится несколько удачных, проверенных на практике в России и в других государствах, примеров новых современных проектов из опыта деятельности НПЦ «Холокост».

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Красная армия, историческая память, «войны памяти», Холокост, преступления нацизма, коллаборационизм, герои, жертвы.

IS MEMORY POLICY POSSIBLE WITHOUT “MEMORY WARS”?

L.A. Terushkin

Abstract. The article was prepared with the aim of participating in the discussion about the reflection of the Second World War and the Great Patriotic War in various forms of historical memory, public consciousness, and everyday life. At the same time, the task is to study the formation of historical memory in the post-Soviet space, the causes and nature of “memory wars”. The author seeks to consider the variety of images and symbols of military history, not only participants in hostilities, but also victims of war and crimes of Nazism. Mostly, published documents and collections of scientific articles published over the past twenty years, testimonies of participants in the events of the war were used. The article concludes that there is a need for significant changes in the formation of modern images and symbols of war participants by the joint efforts of Russian and foreign historians and teachers. It is necessary to pay more attention to specific ordinary participants in those events, to revive interest in macro-history through immersion in private and regional history, using documents from family and personal archives in scientific circulation. Several successful examples of new modern projects from the experience of the SPC “Holocaust” are given.

Keywords: The Second World War, the Great Patriotic War, the Red Army, historical memory, “wars of memory”, the Holocaust, crimes of Nazism, collaboration, heroes, victims.

Позволю себе начать с банальной фразы, что история человечества — это, увы, история войн. Глобальных и локальных военных конфликтов. Собственно, в изучении истории в средних и высших учебных заведениях до сих пор чувствуется влияние именно военно-исторического направления. Но Второй мировой и Великой Отечественной войне никогда не уделялось столько внимания во всем мире, как в последние лет двадцать пять.

Глобализация проникла во все сферы. Изучение истории Войны (я бы хотел в дальнейшем иногда употреблять это слово с заглавной буквы, имея ввиду и Вторую мировую, и Великую Отечественную) уже не должно и не может ограничиваться политическими, идеологическими и государственными границами. Активно изучаются новые стороны и аспекты — военная повседневность, судьбы, взгляды, психология рядовых участников Войны (комбатантов противоборствующих сторон, гражданского населения). Особое внимание уделяется военным преступлениям, нацистскому оккупационному режиму, коллаборации, Холокосту, движению Сопротивления.

Указанные тенденции изучения сформировались и развиваются на постсоветском пространстве, в новых государствах Центральной и Восточной Европы. Впрочем, не только Европы. Эти государства, их общественные институты, их политические элиты остро нуждаются в создании «нового прошлого». С формированием национальных нарративов связана критическая переоценка («экспертиза ценности») событий прошлого.

И события Войны, затронувшей когда-то территории, ныне входящие в современные государства, все народы там проживающие, буквально сразу стали важной частью формирования этих новых гражданских и национальных обществ. Политики не могут обходиться без апелляции к прошлому, которое является очень важным ресурсом для легитимации не только власти, но и конкретных действий политиков [Малинова].

Трансформация и отрицание старых образов и нарративов Войны при этом были неизбежны. Историческая память стала достаточно свободной, ее проявления уже никак и никем не ограничивались. Прежде всего исчезли идеологические запреты. Кстати, генетическая память о событиях Войны тоже перестала быть узконациональным, внутриобщинным, внутрисемейным понятием. Тут как раз очень характерный пример — история Холокоста, которая стала к началу XXI в. частью исторической коллективной памяти не только евреев. Первые мемориальные мероприятия в конце 1980-х гг., публикации воспоминаний, первые художественные фильмы о Холокосте, снятые еще в последние годы существования СССР, первые легально установленные памятники на местах расстрелов, книги, выставки — вот небольшой список того, что укрепилось в общественном сознании за последние 30 лет. Позднее к ним добавились интернет-проекты, аудио- и видеовоспоминания на разных языках. Трагическая сторона Войны, именно трагедия «мирных советских граждан» (термин еще присутствует,

например, на старых мемориалах) на оккупированной территории, в концентрационных лагерях и лагерях военнопленных, стала особой темой в изучении не только истории войны, но и в литературе, искусстве, кинематографе. В исторической памяти, где ранее присутствовали почти одни героические образы и события, появились, но еще не заняли достойное место совсем не герои, а жертвы войны. Оказалось, что порой это одни и те же люди – вчера узник гетто или концлагеря, потом – восстание, побег, партизанский отряд, возвращение в ряды регулярной армии. В языке не только специалистов-историков, но и людей разных профессий появились слова, которых никто ранее не знал и не употреблял – коллаборационисты, нацисты (хотя до сих в ходу и термин «фашисты»), Праведники народов мира, остарбайтеры.

Образы и символы войны тоже подверглись определенной переоценке и не все ее выдержали. Да, символом трагедии народов в условиях оккупационного режима, преступлений нацизма стали и желтые шестиконечные звезды, и нашивки «восточных рабочих» и военнопленных, а не только полосатые робы заключенных лагерей. Кстати, колючая проволока и вышки лагерей тоже остались устоявшимся символом, используемым к месту и не к месту. Вообще, в массовом сознании сформировались несколько образов действующих лиц Войны. Это германский солдат и его союзники – румыны, венгры, итальянцы, финны и другие. Тут многое зависит от регионального аспекта. Кстати, эти персонажи уже не все поголовные убийцы и преступники – историческая память отделяет карателей и эсэсовцев от обычных солдат. Появился и достаточно четко сформировался образ «предателя»-коллаборациониста. Не в том виде, как его представлял советский нарратив – бандит-антисоветчик, вчерашний кулак, уголовник, алкоголик и асоциальный элемент. Ныне историческая память начала классифицировать этот образ, разделяя коллаборационистов по их идейной убежденности, участию или не участию в самых тяжких преступлениях, обстоятельствам, которые привели к сотрудничеству с врагом. Как раз теперь-образ коллаборациониста оказался куда более тесно связан в исторической памяти с преступлениями нацизма. Исторические исследования, новые доступные документы, публикации, выставки подтвердили, что коллаборационисты порой были страшнее германских оккупантов. Не внешне, разумеется, а по совершенным преступлениям. Сейчас образ коллаборациониста, именно вооруженного, сознательного, беспощадного постоянно присутствует в книгах, фильмах. И стоит рядом с оккупантом в исторической памяти о трагедиях Войны. Коллаборационист получил более конкретное национальное «лицо» – местный (русский, украинец, белорус, латыш) или пришлый (латыш, эстонец, литовец, украинец, «власовец»). Тут уже сложно требовать соблюдения толерантности памяти.

Жертвы Войны – еще один образ, претерпевший изменения, вышедший из закоулков личной памяти на пространство коллективной, общенациональной. Жертвы более классифицированы в исторической памяти – уничтоженные евреи и те, кто

их пытался спасти, советские военнопленные, семьи партизан, малолетние узники, беженцы и эвакуированные, погибшие по дороге в советский тыл и пр. Последние, наконец, получили не только юридический и общественный статус, но и особое место в формирующемся новом общенациональном нарративе.

А вот с воинами Красной армии, партизанами в исторической памяти и новых нарративах, в рамках новой коммеморации ситуация сложилась очень противоречивая. Впрочем, и с коллаборационистами тоже. Здесь слишком сильны оказались политические факторы. И мы не можем не признать, что образ советского солдата с традиционными сопутствующими символами – красная звезда, гимнастерка, танк Т-34, «Катюша», Красное знамя – воспринимается многими в Украине, Польше, Венгрии, странах Балтии и других не как освободитель от нацизма.

Остались, мне кажется, только три государства, где воин многонациональной Красной армии остается спасителем и освободителем: Россия, Беларусь, Израиль. Тут историческая память все-таки постаралась сохранить главное, с чем связан образ красноармейца – гражданина многонационального СССР, жертвовавшего жизнью для Победы. Недостатки, даже пороки конкретного рядового, офицера или воинской части, не стали доминировать в исторической памяти.

Можно сказать, что отдельные солдаты и офицеры вермахта, даже члены полиции и СС, такие, как спаситель знаменитого пианиста Владислава Шпильмана – Вильгельм Хозенфельд (см. фильм «Пианист») и «другие немцы» [Мадиевский, 2006], например, служившие в Украине [Круглов, 2012], оставшиеся в конкретной личной или семейной памяти, не изменили, да и не могут изменить образа германских солдат в общенациональной исторической памяти народов выше указанных государств. Также как, впрочем, совершавшие преступления военнослужащие армий антигитлеровской коалиции в целом не меняют образа воина, победившего нацизм.

Формирование образов войны – одна из важнейших задач институтов памяти. В каждом государстве это политическая задача. Образы прошлого, особенно военного прошлого – героического или трагического – должны показывать народ, общество в позитивном ракурсе. Можно в трагическом, жертвенном, но не в отрицательном. Это касается буквально любой страны, разве что за исключением Германии.

«...война создает условия, в которых человек становится монстром и на земле наступает ад» [Вик, 2010, с. 56]. Осмелюсь уточнить слова писателя и музыканта Михаэля Вика, пережившего войну в Кенигсберге. Далеко не каждый человек становится таким. И в памяти Вика, полукровка, который при нацистах чуть не погиб, как еврей, а после 1945 г. был фактически изгнан из Кенигсберга, как немец, монстрами и чудовищами остались именно германские нацисты.

Но на постсоветском пространстве стартовые позиции у разных государств и обществ были разными. В России с ее многовековой историей, богатым

военным прошлым (даже если рассматривать только войны XX в.), Великая Отечественная война вполне удачно подходила в качестве объединяющего всех исторического события. Почва для этого давно подготовлена, еще в советские времена. Да, в новый нарратив включены и трагические стороны войны. Жаль только, что постепенно критическое отношение к событиям войны из нарратива стало вытесняться, заменяться парадной, официально-формальной и показной стороной. Ну да, это приятнее и подавать, и усваивать. Тут тоже сказались советские традиции.

Для других государств Великая Отечественная война совершенно не подходила в качестве объединяющего нарратива и основы новой исторической памяти. Как раз наоборот, тут нужны были совершенно другие образы и символы, скорее противостоящие российским. Увы, историю не перепишешь. Тот, кто противостоял Красной армии, как правило, был союзником (пусть даже в добровольно-принудительном порядке) нацистской Германии и никак не укладывается в «прокрустово ложе» нового идеального образа, как для всего общества собственной страны, так и в международном плане. Всякие «национальные партизаны», как борцы за свободу и против советского тоталитаризма, часто вызывают возмущение и негодование в соседних государствах. Впрочем, не только в соседних. Многие из них так и не понесли наказание за совершенное в 1941–1945 гг. Хотя они так или иначе замешаны в Холокосте, этнических чистках и других преступлениях против человечности. Я не уверен, что уместно везде употреблять распространенное в последнее время обвинение в геноциде. И это позволяет даже обвинять государства, например, страны Балтии, в глорификации нацизма. Достаточно вспомнить явно провокационные усилия «реабилитировать» и сделать национальным героем Латвии нацистского преступника Герберта Цукурса, что вызвало до сих пор не утихающую волну возмущения в России и в еврейских общинах разных государств. У каждого народа своя историческая память, свои объекты и субъекты этой памяти. И те, и другие порой антагонистичны. И такое восприятие может быть в среде одного и того же народа. Противостояние еще более заметно, когда речь идет о тех, кто в представлении одного народа воспринимается, как герой, для другого же — это убийцы и преступники [Шнеер, 2015].

Вот так и разворачиваются «войны памяти». Состояние такой войны — очень удобная, но бесперспективная форма существования. Тем более, что «войны памяти» переняли худшие традиции «холодной войны». А многие, кто сейчас ведут «войны памяти», еще успели и в ней поучаствовать, только на стороне СССР. Это ветераны идеологического фронта, так сказать.

Кстати, «войны памяти» ведутся не только с зарубежными, «иноземными» противниками. Периодически на постсоветском пространстве вспыхивают локальные, «гражданские войны памяти» по проблемам прошлого. Что говорить о Второй мировой войне, когда у нас сторонники «красных» и «белых» не могут окончательно примириться, перевести споры только в научный дискурс спустя 100 лет после Гражданской войны.

И в России, и в других государствах у «войн памяти» есть такие активные «герои», которые в продолжении этих войн заинтересованы — карьера, работа. Есть и случайно втянутые в битву люди, невольные участники, которым довольно сложно разобраться в огромном информационном потоке, в достоверности информации. Да, вероятно, прав петербургский историк и педагог в утверждении, что «современное переосмысление истории Второй мировой войны следует освободить как от советских штампов, так и пришедших им на смену антисоветских» [Тумаркин].

Эти «войны памяти» не случайно развернулись в последние 10–15 лет, когда почти ушли поколения участников и очевидцев Войны. К сожалению, уходят и их дети, а семейная память не успела сформироваться и закрепиться для передачи новым поколениям. Этим поколениям Война вообще не всегда интересна — это их право. Кроме того, современное образование мало, ограничено и недостоверно рассказывает о войне. Скорее, оно помогает формировать «псевдообразы». Образование слишком увлекается военно-стратегической стороной войны — количеством дивизий, танков, самолетов, трофеев. Или тиражирует старые, «потускневшие» лубочные образы героев, вызывающие только ироничное отношение. В преподавании, изучении истории Войны почти ничего не говорится об обычном человеке. Не только о солдате, но и о его детях, близких, друзьях, семье, соседях.

Как раз семейная память в контексте повседневной жизни в годы войны сейчас еще имеет возможность заинтересовать новые поколения в понимании героического и трагического в истории своей, да и не только своей страны. Нельзя не согласиться со словами Геды Зиманенко, которая написала свои воспоминания, уже преодолев 100-летний возрастной рубеж: «...все исторические события, через которые я прошла, отлично описана в учебниках и литературе, однако каждый человек, каждая семья переживала горькие годы войны и мирное время по-разному. Земля же полна в основном простыми людьми, от которых и идет наш род» [Зиманенко, 2013, с. 8].

Институты памяти как раз могут и должны тут помочь. Мало того, что архивы и музеи должны делать доступными новые документы (фонды, коллекции). Институты памяти должны помогать разбираться, ориентироваться в архивных фондах, в поисках новых документов, прежде всего-эго документов. Организовывать выставки, новые доступные интернет-ресурсы и их пропагандировать. И при этом акцентировать внимание на конкретных личностях (не обязательно заслуженных героев), на обычном участнике тех событий. Из него надо делать новый, современный образ «Человека той Войны». Постараться больше уделять внимание микроистории. Она ближе и понятнее молодому человеку. Например, московскому школьнику, рассказывая о Холокосте, стоит пояснить, что ближайшее к Москве гетто было в Калуге, всего в часе езды. Здесь, рядом. А вот и документы ученика калужской школы — узника этого гетто. Про

Варшавское гетто мы тоже расскажем, но в первом понимании, представлении школьника это где-то далеко, как на другой планете.

Разумеется, как исследователь много работающий с эго-документами, я не могу не упомянуть продолжающийся проект Научно-просветительного центра (НПЦ) «Холокост» по сбору, изучению, изданию писем и дневников, личных документов – «Сохрани мои письма...». Пять сборников писем и дневников советских евреев периода Великой Отечественной войны были выпущены в 2007–2019 гг. Это все документы из личных и семейных архивов. Их поиск, расшифровка изучение позволили привлечь внимание многих молодых людей – школьников, студентов, да и их родителей тоже, к семейным архивам, к биографиям родных и близких, далеких предков. К непарадной, повседневной человеческой жизни в нечеловеческих условиях – позволю себе такой термин. И национальность тут имела уже второстепенное значение: «...это страница истории трагедии и героизма всех народов нашей страны» [Сохрани мои письма..., 2007, с. 11].

Как раз сообщества историков – отечественных и зарубежных, занимающихся многими аспектами Второй мировой и Великой Отечественной войн, могут показывать пример полезного сотрудничества. Да, есть расхождения во взглядах и мнениях, но мы всегда готовы к дискуссии. Буквально на днях прочитал у коллеги из Тель-Авива в черновике новой, готовящейся статье формулировку «Советско-германская война». Это о событиях 1941–1945 гг. на Восточном фронте. Не могу принять такой вариант, но постараюсь аргументированно критиковать. Историки вместе с преподавателями, краеведами, всеми заинтересованными специалистами вполне способны вести цивилизованный диалог. Даже по «болезненным» темам, но с уважением к друг другу. Историки не должны принимать участие в «войнах памяти», хотя оказаться в центре этих «битв» можно очень легко. И даже бывает заманчиво для карьеры. Но это уже политическая ангажированность. Пропагандист, политолог и историк не могут уживаться без ущерба друг для друга. Хотя отстаивание принципов исторической достоверности, критического подхода к источникам еще никто не отменял. Так уж сложилось, что в России историки стали личностями, к мнению которых прислушивается общество. Тем больше ответственность.

Российским историкам и преподавателям стоит больше обратить внимание и приложить усилия, например, в изучении непривычного для нашей исторической памяти и общественности понятия гражданского подвига в годы Войны. Эти люди никого не убивали врагов, не вели разведку, не стреляли и не взрывали. Это граждане многих национальностей Советского Союза и оккупированных Германией стран, которые спасали и укрывали раненых и бежавших из плена солдат и офицеров Красной армии, евреев, цыган. Эти незаметные герои рисковали жизнью, но их подвиг пока не получил достойной оценки, слабо изучен, не закреплен в устоявшемся у нас нарративе о войне. А в других государствах такие герои активно пропагандируются, о них много рассказывают педагоги.

«Сохранение памяти обо всех жертвах нацистов и их пособников в годы Великой Отечественной войны — одна из составляющих исторической памяти в нашей стране» [Альтман, 2015, с. 10].

Надо стараться гибко и продуманно развивать политику памяти и предлагать новые образы войны. Выставка «Холокост: уничтожение, освобождение, спасение», подготовленная НПЦ «Холокост», была хорошо, с интересом и пониманием воспринята во многих государствах Европы, в Северной и Южной Америке. Может быть потому, что мы предложили общественности новый для них образ достойного героя и новый вариант нарратива памяти о Холокосте. С учетом того, что Холокост — важная часть современной европейской культуры памяти. Эти герои — советские солдаты, офицеры, генералы, военные врачи, освобождавшие гетто и лагеря уничтожения, возвращавшие к жизни узников. Представители десятков национальностей СССР. Нет, мы не рассказываем кто и сколько уничтожил вражеских дивизий, сколько немцев взял в плен и подбил танков. Сейчас прочесть об этом можно по выложенным в интернете наградным листам. Рассказываем о их судьбах. Кто-то дожил до Победы, кто-то погиб в последние дни войны. Не хотите читать и слушать об освобождении Европы от нацизма? Не будем заставлять. Но мы расскажем о тех, кто спасал евреев Европы — советских солдатах и воинах союзных армий. Вот все знают Анну Франк. И никто не знает или не спешит узнать, что ее отца освободили в Аушвице советские солдаты, вылечили советские военные врачи. И приемную дочь Отто Франка — ныне здравствующую Еву Шлосс, тоже. Об этом она поделилась воспоминаниями [Шлосс, 2019, с. 149–150].

Эти же герои — воины-освободители и спасенные ими интересны для России — ведь можно изучить их биографию, привлекая школьников и педагогов из тех регионов, где жили воины-освободители до и после войны.

На данном примере хотелось бы обратить внимание, что подобный проект объединил и заинтересовал специалистов — историков, архивистов, педагогов, музейных работников, экскурсоводов, культурологов многих государств. Несмотря на то, что со многими политическими деятелями этих государств Россия находится в состоянии «войны памяти».

За прошедшие 75 лет мы узнали о Второй мировой и Великой Отечественной очень много. Но познание и осознание этих колоссальных по масштабам и жертвам событий мировой истории будет продолжаться, только методы надо изменить с учетом потребностей времени, развития культуры. Следы, правильнее сказать, шрамы, которые Война оставила в исторической памяти народов зарастут еще не скоро [Терушкин, 2017].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Альтман И.А. Поисковая и исследовательская работа педагогов и учащихся по теме Холокост // *Формирование культурной памяти при изучении событий Второй мировой и Великой Отечественной войн: феномен Холокоста. Материалы межрегионального научно-практического семинара с международным участием* / под. ред. И.М. Ильковской. Саратов: ГАУ ДПО «СОИРО», 2015. С. 10–14.
- Вик М. Извлекать уроки из прошлого // *Историческая память: Противодействие отрицанию Холокоста. Материалы 5-й международной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия»*. М.: Российский Еврейский Конгресс, Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2010. С. 55–59.
- Зиманенко Г.С. Мой век (записал Марк Розин). М.: Книжники, 2013. 189 с.
- Круглов А.И. Участие немцев в спасении евреев в Украине в 1941–1944 гг. // *Холокост на территории СССР. Материалы XIX Международной ежегодной конференции по иудаике*. Т. 1. М.: Центр «Сэфэр», 2012. С. 36–55.
- Мадиевский С.А. Другие немцы. М.: Дом еврейской книги, 2006. 112 с.
- Малинова О.Ю. Политика памяти в постсоветской России // *Постнаука*. 11.02.2015. URL: <https://postnauka.ru/video/41333> (дата обращения – 14 сентября 2020 г.).
- Сохрани мои письма... Сборник писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны / Сост. И.А. Альтман, Л.А. Терушкин. М.: МИК-Центр «Холокост», 2007. 320 с.
- Терушкин Л.А. Письма советских евреев периода Второй мировой войны – источники по истории Холокоста // *Гуманитарные науки и образование в XXI веке (история, молодежная политика, туризм): междисциплинарный сборник научных статей*. В 2 ч. / отв. ред. А.А. Зеленин, М.Г. Леухова, А.В. Блинов. Кемерово – Орел: Изд. дом «Орлик», 2017. Ч. I. С. 277–287.
- Тумаркин В.И. Об одной ненаучной гипотезе: отклик на брошюру Веригин С., Машин А. Загадки Сандармоха: Часть 1: Что скрывает лесное урочище. [б.м.]: Johan Bäckman Publications, 2019. 90 с. // *Историческая экспертиза*. 2020. № 2(23). URL: https://istorex.ru/New_page_5 (дата обращения – 14 сентября 2020 г.).
- Шлосс Е. После Аушвица. Пер. с англ. яз. Е. Есениной. М.: АСТ, 2019. 320 с.
- Шнеер А. Мемориализация и ее особенности. Общее и индивидуальное // *Материалы конференций и семинаров 2009–2014 гг.* / Сост. Г. Смирин. Рига: Общество «Шамир» (Рига-Латвия), 2015. С. 152–160.

REFERENCES

Al'tman I.A. Poiskovaya i issledovatel'skaya rabota pedagogov i uchashchikhsya po teme Kholokost [Search and research work of teachers and students on the Holocaust], in *Formirovaniye kul'turnoy pamyati pri izuchenii sobytiy Vtoroy mirovoy i Velikoy Otechestvennoy voyn: fenomen Kholokosta. Materialy mezhhregional'nogo*

nauchno-prakticheskogo seminara s mezhdunarodnym uchastiyem [Formation of cultural memory in the study of the events of World War II and the Great Patriotic War: the phenomenon of the Holocaust. Materials of the interregional scientific-practical seminar with international participation]. Ed. by I.M. Il'kovskoy. Saratov: GAU DPO "SOIRO", 2015. Pp. 10–14 (in Russian).

Vik M. Izvlekat' uroki iz proshlogo [Learning from the Past], in *Istoricheskaya pamyat': Protivodeystviye otritsaniyu Kholokosta. Materialy 5-y mezhdunarodnoy konferentsii "Uroki Kholokosta i sovremennaya Rossiya"* [Historical Memory: Countering Holocaust Denial. Materials of the 5th International Conference "Lessons of the Holocaust and Contemporary Russia"]. M.: Rossiyskiy Yevreyskiy Kongress, Tsentr i Fond "Kholokost": MIK, 2010. Pp. 55–59 (in Russian).

Zimanenko G.S. *Moy vek (zapisal Mark Rozin)* [My century (written down by Mark Rozin)]. M.: Knizhniki, 2013. 189 p. (in Russian).

Kruglov A.I. Uchastiye nemtsev v spasenii yevreyev v Ukraine v 1941–1944 gg. [The participation of the Germans in the rescue of Jews in Ukraine in 1941–1944], in *Kholokost na territorii SSSR. Materialy XIX Mezhdunarodnoy yezhegodnoy konferentsii po iudaike* [Holocaust in the USSR. Materials of the XIX International Annual Conference on Jewish Studies]. T. 1. M.: Tsentr "Sefer", 2012. Pp. 36–55 (in Russian).

Madiyevskiy S.A. *Drugiy nemtsy* [Other Germans]. M.: Dom yevreyskoy knigi, 2006. 112 p. (in Russian).

Malinova O.Yu. Politika pamyati v postsovetskoy Rossii [The politics of memory in post-Soviet Russia], in *Postnauka*. 11.02.2015. Available at: <https://postnauka.ru/video/41333> (accessed 14 September 2020).

Sokhrani moi pis'ma... Sbornik pisem i dnevnikov yevreyev perioda Velikoy Otechestvennoy voyny [Save my letters.... Collection of letters and diaries of Jews of the Great Period World War II]. Comp. I.A. Al'tman, L.A. Terushkin. M.: MIK-Tsentr "Kholokost", 2007. 320 p. (in Russian).

Terushkin L.A. Pis'ma sovetskikh yevreyev perioda Vtoroy mirovoy voyny – istochniki po istorii Kholokosta [Letters from Soviet Jews during the Second World War – sources on the history of the Holocaust], in *Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye v XXI veke (istoriya, molodezhnaya politika, turizm): mezhdistsiplinarnyy sbornik nauchnykh statey. V 2 ch.* [Humanities and education in the XXI century (history, youth policy, tourism): an interdisciplinary collection of scientific articles. 2 parts]. Ed. by A.A. Zelenin, M.G. Leukhova, A.V. Blinov. Kemerovo – Orel: Izd. dom "Orlik", 2017. Ch. I. Pp. 277–287 (in Russian).

Tumarkin V.I. Ob odnoy nenauchnoy gipoteze: otklik na broshyuru Verigin S., Mashin A. Zagadki Sandarmokha: Chast' 1: Chto skryvayet lesnoye urochishche. [b.m.]: Johan Bäckman Publications, 2019. 90 p. [On one unscientific hypothesis: response to the brochure Verigin S., Mashin A. Sandarmokh Riddles: Part 1: What is hidden in the forest tract. [b.m.]: Johan Bäckman Publications, 2019. 90 p.], in *Istoricheskaya ekspertiza*. 2020. № 2(23). Available at: https://istorex.ru/New_page_5 (accessed 14 September 2020).

Shloss Ye. *Posle Aushvitsa* [After Auschwitz]. Per. s angl. yaz. Ye. Yeseninoy. M.: AST, 2019. 320 p. (in Russian).

Shneyer A. Memorializatsiya i yeye osobennosti. Obshcheye i individual'noye [Memorialization and its features. General and individual], in *Materialy konferentsiy i seminarov 2009–2014 gg.* [Proceedings of conferences and seminars 2009–2014]. Comp. G. Smirin. Riga: Obshchestvo "Shamir" (Riga–Latviya), 2015. Pp. 152–160 (in Russian).

ПОЛИТИКА VS ИСТОРИЯ: К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ / ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Д.Н. Титаренко

Аннотация. Память о Второй мировой / Великой Отечественной войне в течение длительного времени является предметом острых исторических и общественных дискуссий в Украине. В последние годы ее символы и образы приобрели ярко выраженный политически инструментализированный характер, что в значительной степени связано с внутривнутриполитическими трансформациями, а также военным конфликтом на Востоке Украины. Целью статьи является анализ особенностей эволюции памяти о войне, трансформации ее образов в 2014–2020 гг. в общественном дискурсе. Статья базируется как на опубликованных, так и на неопубликованных источниках, материалах устноисторических исследований, проведенных автором в зоне современного военного конфликта в Донбассе. К числу рассматриваемых вопросов относятся: особенности трансформации образов войны в общественном сознании, значение архивов и музеев в формировании и верификации представлений о войне, эволюция памяти о войне, причины и проявления «войн памяти», место историков в официальной политике памяти. Особое внимание уделено особенностям реализации исторической политики на территории «Донецкой народной республики». Констатируется, что в Украине, включая неподконтрольную территорию Донбасса, память о минувшей войне активно используется с целью консолидации и политической мобилизации общества. Сделан вывод о необходимости ограничения политического влияния на изучение истории Второй мировой войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, политика памяти, Украина, визуальные образы, мифологизация, политическая инструментализация.

Титаренко Дмитрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Донецкий юридический институт (Кривой Рог), 500025, Украина, Кривой Рог, ул. Степана Тильги, 23, titarenko_tit@ukr.net.

POLITICS VS HISTORY: THE PROBLEM OF TRANSFORMATION OF IMAGES OF WORLD WAR II / GREAT PATRIOTIC WAR IN THE MODERN UKRAINIAN SOCIETY

D.N. Tytarenko

Abstract. The memory of World War II / Great Patriotic War for a long time has been the subject of heated historical and public debate in Ukraine. In the recent years its symbols and images are politically instrumentalized. This is largely due to internal political transformations and military conflict in eastern Ukraine. The purpose of the article is to analyze the features of evolution of the memory of war, the transformation of its images during 2014–2020 in public discourse. The article is based on both published and unpublished sources, materials of oral history interviews, which were conducted by the author in the area of the military conflict in Donbass. The issues under consideration here are the peculiarities of transformation of the image of World War II in the public consciousness, the role of archives and museums in the creation and verification of the images of war, the evolution of the memory of war, the causes and manifestations of «wars of memory», the role of historians in the official memory policy. Particular attention is paid to the peculiarities of the historical policy in the «Donetsk people's republic». It is noted that in Ukraine, including the uncontrolled territory of Donbass, the memory of World War II / Great Patriotic War is actively used to consolidate local society. The need to limit the political influence on the study of the history of the Second World War is emphasized.

Keywords: World War II, Great Patriotic War, politics of memory, Ukraine, visual images, mythologization, political instrumentalization.

И в прошлом веке, и в настоящее время Вторая мировая война воспринимается как наиболее значимое событие мировой истории XX в. Победа в ее главной составляющей – Великой Отечественной войне – на долгие годы стала центральной частью исторической памяти советского общества, ее интегрирующим элементом.

Общественно-политические процессы конца 1980-х–начала 1990-х гг. внесли значительные изменения в восприятие темы войны, ее сложившихся образов и символов, существующих нарративов, в том числе и в Украине. Политические катаклизмы конца 2013–начала 2014 гг., военный конфликт в Донбассе дали новый импульс к трансформации исторической политики, политизации и инструментализации памяти о войне и ее образов всеми противоборствующими сторонами. Анализ отдельных аспектов этих процессов предлагается в данной публикации.

1. Как именно и в каких формах создаются и трансформируются образы войны в общественном сознании, культуре и языке? Какова связь между событиями и участниками войны и их образами в исторической памяти? Как взаимосвязаны между собой разные образы и символы войны?

Формирование того или иного образа войны во многом зависит от тематического репертуара посвященных ей исторических исследований, а также культурных репрезентаций. Так, реализуемый в СССР глорифицированный парадный дискурс войны исключительно как «истории Великой Победы» с ключевыми действующими фигурами войны – Красной армией, советскими партизанами и подпольщиками – долгое время оставлял на периферии связанные с этими же акторами проблемы военных потерь, трагедии советских военнопленных, коллаборации. Маргинализация тем, связанных с Холокостом, остарбайтерами, стратегиями выживания населения на оккупированной территории, деятельностью националистического подполья привела к тому, что в 1990-е гг. постсоветскому обществу пришлось, по сути, открывать для себя новые категории свидетелей, участников и жертв войны. В целом представления и воспоминания о войне тех, кто вернулся с фронта, из немецкого концлагеря, с принудительных работ в Германии кардинально отличались от официальной версии событий. Очевидно, что нынешние образы войны были бы иными, более полифоничными, если бы тогда, когда были живы большинство свидетелей войны, удалось предать огласке и «окопную правду», и трагический опыт плена либо жизни на оккупированной территории, в целом «сделать собственные переживания частью официального понимания истории» [Махотина, 2011, с. 29]. Важная задача исследователя при этом состоит в том, чтобы включить индивидуальный рассказ в исторический контекст, не теряя при этом баланса между индивидуализацией и контекстуализацией видения прошлого [Траба, 2009, с. 59].

Введение в научный оборот новых источников и подготовка на их базе исторических исследований, официальная политика памяти, политическая ситуация

существенно влияют на формирование коллективных представлений о войне, появление новых (либо же новое прочтение, модернизацию старых) визуальных и вербальных образов и символов войны, адаптацию их к современным социально-политическим реалиям. В ряде случаев проекция образов и символов войны на современность может быть достаточно эклектичной и противоречивой. Показательным в этом отношении стало выступление в мае 2020 г. директора Украинского института национальной памяти А. Дробовича, посвященное 75-летию победы над нацизмом. Одними из ключевых стали озвученные тезисы о том, что в годы Второй мировой войны «украинцы были вынуждены воевать за чужие интересы, иногда – друг против друга» и что «единственным действительно украинским субъектом в годы войны было освободительное движение – люди и организации, которые боролись за независимость Украины от обеих тоталитарных систем» [Друга світова війна, 2020]. В то же время тональность и содержание выступления А. Дробовича явно не соответствовали используемому им фоновому визуальному ряду – скульптурным изображениям советских солдат и батальных сцен, связанных с Красной армией.

Образы прошлой войны в зависимости от политической ситуации могут приобрести новую коннотацию. Достаточно отчетливо их политическая инструментализация, стремление путем обращения к героическим и трагическим индивидуальным и коллективным символам Второй мировой / Великой Отечественной войны солидаризировать и мобилизовать общество прослеживается на территории «Донецкой народной республики». Оперирование образами «героев-ополченцев», «героев-шахтеров» (по аналогии с бойцами 383, 393, 395-й стрелковых дивизий, сформированных в основном из шахтеров Донбасса в 1941 г.), отражало эту тенденцию. Места боевых действий в 2014–2015 гг. получили коннотации, аналогичные местам наиболее известных и глорифицированных в советской историографии либо же значимых для судьбы Донбасса событий 1941–1945 гг. («Дебальцево – Брестская крепость Донбасса», Саур-Могила как «место воинской славы», «свидетельство героизма советских воинов-освободителей в 1943 и защитников-ополченцев в 2014 году», «город-герой Иловайск» и т.д.). Пропаганда на территории «ДНР» зачастую апеллировал к традиционным советским индивидуальным и коллективным героическим образам Великой Отечественной войны (таким как Зоя Космодемьянская, молодоговардейцы, героини-панфиловцы и т.д.), которые стали объектом определенных критических рефлексий историков, в том числе и российских [Berkhoff, 2012; Народ и война, 2010, с. 200–235; Справка-доклад...].

В целом в течение последних лет в Украине произошли серьезные трансформации образно-символического пространства, связанного со Второй мировой / Великой Отечественной войнами. С одной стороны, наблюдается формирование нового официального канона путем проекции, зачастую при помощи грубого администрирования, региональной, распространенной преимущественно на территории западных областей Украины этноцентрической (с ее ключевыми акторами

в виде Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА)) версии исторической памяти, на всю территорию государства. С другой стороны (на неподконтрольной территории Донбасса) происходит реинкарнация старых советских символов и образов войны, затрудняющая новое, с учетом открытых источников и достижений исторической науки, восприятие истории войны.

2. Какова роль институтов памяти (архивов, музеев, библиотек) в формировании образов войны? Можно ли говорить о верификации сложившихся представлений, и каким образом она может осуществляться?

Существование в обществе тех или иных представлений о войне определяется в первую очередь тем, какого рода информация о ней является ему доступной – прежде всего из исторических исследований, введенных в оборот архивных документов, музейных и библиотечных выставок. Начавшиеся с конца 80-х годов XX в. процессы деидеологизации украинской исторической науки, доступ специалистов к закрытым, недоступным ранее источникам, зарождение историко-антропологического подхода при характеристике событий Второй мировой/Великой Отечественной войн позволили кардинально расширить проблематику исторических исследований.

В настоящее время в Украине обеспечен широкий доступ к архивам советских спецслужб, которые содержат значительное количество материалов по истории Второй мировой/Великой Отечественной войн. Данные источники позволяют верифицировать существующие представления по ряду актуальных тем, связанных, в частности, с настроениями и общественными реакциями в период войны, коллаборацией, масштабами и степенью эффективности советского подпольно-партизанского движения, деятельностью ОУН и УПА в годы войны. Работа в рамках подготовки «Книги Памяти», проводимая с конца 80-х гг. XX столетия, позволили поставить перед обществом проблему масштабов демографических потерь Украинской ССР в годы войны [Безсмертя, 2020].

Актуальным является введение в научный оборот архивных документов, которые представляют альтернативный взгляд на события – материалов немецкого командования, военно-административных структур, действовавших на оккупированной территории, нацистских спецслужб. Эти источники в целом характеризуются высокой степенью достоверности и репрезентативности и дают возможность для более объективных оценок явлений и процессов периода войны. В этом же контексте следует рассматривать и использование иных материалов, отражающих личностное, эмоционально-чувственное восприятие военной действительности – дневников, писем, фотографий.

Изучение событий Второй мировой / Великой Отечественной войны в свете современных требований и общественных запросов предусматривает не только разработку новых тем и сюжетов, но и поиск путей ретрансляции для более

широкой аудитории полученного нового знания, обеспечения оптимальных способов сохранения памяти о событиях войны. Особую роль в этом играют музеи, которые посредством новых экспозиций и передвижных выставок могут создавать привлекательные для широкой публики визуальные образы войны. Достаточно новым шагом для постсоветского пространства является создание мемориальных центров, философия и миссия которых существенно шире, нежели у традиционных музеев.

Показательным в этом отношении является проект (и уже сейчас процесс) создания Мемориального центра Холокоста «Бабий Яр» в Киеве. Задачи его, в частности, заключаются в том, чтобы «увековечить память о всех жертвах трагедии, ... создать на базе проекта исследовательский центр, специализирующийся на Холокосте и других преступлениях, совершенных на территориях Украины, бывшего Советского Союза и Восточной Европы, разработать образовательную платформу, цель которой стимулировать всестороннее осмысление трагедии Бабьего Яра и дать обществу инструменты для работы с темой Холокоста... привлечь внимание общества к угрозам тоталитарной, экстремистской, националистической и расистской идеологии» [Мемориальный центр Холокоста... Задачи ВУНМС¹, 2020]. Реализацию данных целей обеспечивает «Базовый исторический нарратив Мемориального Центра Холокоста «Бабий Яр» [Базовый исторический нарратив..., 2018], подготовленный под руководством известного нидерландского историка К. Берхоффа группой исследователей из Украины, Германии, Молдовы, России, Франции, США. В то же время острые политические и академические дискуссии по поводу этого проекта [Концепція, 2019; Зисельс, 2018] могут создать серьезные проблемы для успешной мемориализации этого знакового не только в украинском, но и в европейском контексте места нацистских преступлений.

Определенную, хотя с каждым годом все более уменьшающуюся роль в формировании образа войны у широкой публики играют традиционные библиотеки как наиболее доступная форма ознакомления и популяризации исторического знания. При этом широта представлений о войне у читателя определяется новизной фонда литературы, наличием изданий на иностранных языках (с чем в силу недостаточного финансирования библиотек серьезные проблемы), доступом к поисковым системам и электронным базам данных.

3. Как меняется память о войне со сменой поколений, с уходом из жизни ее непосредственных свидетелей и очевидцев?

Память, являясь областью индивидуального переживания, имеет важное значение с точки зрения «порождения прошлого», генерирования новых фактов и видений минувшего, то есть того, что, казалось бы, является монополией историка.

¹ ВУНМС – сокр. от Babyn Yar Holocaust Memorial Center

Войны всегда являются экстремальным состоянием для государства, причем «чем масштабнее являются военные события и их влияние на развитие общества, тем они потенциально занимают более значимое место в структуре общественного сознания» [Народ и война, 2010, с. 671]. В то же время память о войне миллионов советских солдат, воевавших в критических для советского государства 1941–1942 гг. и попавших в плен, повседневной жизни десятков миллионов советских граждан, оказавшихся на оккупированной территории, угнанных на принудительные работы в Германию, не только не была адекватно отражена в советской историографии, но и находилась под определенным табу, была на периферии общественного сознания, официального историко-партийного дискурса.

Сложные и разнообразные трансформационные процессы после распада Советского Союза, деидеологизация общественной жизни не могли не привести к переоценке своего жизненного опыта, по крайней мере, у части военного поколения. Беседа о прошлом для многих респондентов стала выражением личной потребности построения своей идентичности, что весьма актуально для постсоветских обществ и даже целых, зачастую ранее стигматизированных групп участников либо жертв войны.

Свидетельством определенной эмансипации общественного сознания в посттоталитарном обществе стали, в частности, воспоминания и осуждение респондентами действий властей, уничтожавших при эвакуации в 1941 г. запасы продовольствия, объекты социальной инфраструктуры, предприятия и бросавших местных жителей на произвол судьбы: «Оставили людей без хлеба, без ничего, посжигали» [Интервью с Иваном С., 1925 г.р., 2004]. Важную роль не только с перспективы отражения эволюции внутреннего мира респондента, но и с точки зрения введения в научный оборот новой фактологической информации играют воспоминания о репрессиях органов НКВД кануна оккупации, межличностных контактах с немецкими военнослужащими и стратегиях выживания населения в период оккупации, коллаборации, участия в боях мобилизованного полевыми военкоматами на освобожденной территории мужского населения, рефлексии по поводу осуществлявшейся государством после войны дискриминации людей, остававшихся на оккупированной территории. Такого рода воспоминания, очевидно, возможны только лишь тогда, когда очевидец не испытывает страха преследования либо стигматизации, рассказывая о событиях и явлениях, память о которых была табуирована (как минимум нежелательна), и существовала преимущественно в семейном кругу.

Данные особенности памяти о Второй мировой/Великой Отечественной войне в значительной степени корреспондируются с памятью о современной войне. В течение 2014–2020 гг. автором было проведено более 40 интервью со свидетелями Второй мировой/Великой Отечественной войны как на подконтрольной, так и на неподконтрольной украинскому правительству территории Донбасса. В ходе беседы затрагивались вопросы, связанные и с жизнью респондента в условиях

современного военного конфликта. Опыт жизни в условиях двух войн — закончившейся более 70 лет назад, и современной, продолжающейся — социализация в условиях тоталитарной системы, боязнь репрессий за откровенное мнение (особенно если оно не совпадало с официальным дискурсом украинской или сепаратистской стороны), амбивалентное отношение ко всему, что происходило в регионе, с самого начала вызывали опасения за сказанное у некоторых собеседников. Это выражалось в просьбах респондентов не называть их имени, не упоминать об их оценках современных событий и персоналий, выключить диктофон или видеокамеру в определенных моментах интервью. Имели место ситуации, когда при попытке более детально расспросить собеседника о пережитом военном опыте последних лет присутствующие родственники сворачивали разговор, удерживали автора от постановки респонденту дополнительных вопросов.

Память очевидцев военных событий является важным ресурсом, к которому зачастую прибегают власти, нуждающиеся в дополнительной легитимации. В то же время уход из жизни свидетелей военных событий, носителей живой памяти о войне, ослабление влияния ветеранских организаций может иметь следствием конструирование, в зависимости от политической конъюнктуры и позиции государственной власти, иной модели официальной исторической памяти, целенаправленное формирование коллективного исторического сознания, для которого будут характерны радикально отличающиеся от ранее сделанных оценки, мифологизация иных событий, глорификация тех политических сил и персоналий, которые ранее в силу не только субъективных, но и объективных причин не могли рассчитывать на это.

В данной ситуации в ходе осуществляющейся реинтерпретации истории, своеобразной «битвы за прошлое», которая зачастую носит характер не столько интеллектуальной, сколько политической дискуссии, для историка важно не только воздерживаться от проявления своих политических симпатий и антипатий, но и обладать высоким уровнем эмпатии при работе с ресурсами памяти свидетелей войны.

4. Какое место войны занимают в современной политике памяти в России и других странах? В чем причины «войн памяти», кто является их инициатором и участником?

Память о войнах, особенно победоносных, традиционно широко используют в политике с целью консолидации общества, легитимизации власти, мобилизации участников конфликтов либо их наследников. Глобальные социально-политические процессы начала XXI в. стали новым импульсом для реактуализации памяти о минувших войнах.

Так, с 2014 г. тема борьбы против нацизма и победы над ним стала неотъемлемой частью общественно-политического и исторического дискурса на территории самопровозглашенной «Донецкой народной республики». Использование

пропагандистских клише и тезауруса минувшей войны, формирующих «образ врага», стали достаточно важным средством мобилизации общественного мнения, что подтверждают результаты полевых исследований [Пастушенко, Титаренко, Чебан, 2016; Hellbeck, Pastushenko, Tytarenko, 2017].

Наиболее важным элементом формирования коллективной солидарности стали мероприятия, приуроченные ко Дню Победы. Стратегическая цель ритуалов, церемоний, мероприятий, проводимых на территории «ДНР» в связи с празднованием Дня Победы, заключалась в усилении группового единства на базе системы общих ценностей и символов (ключевым из которых является чувство гордости за Победу 1945 г.). Достаточно активно в ходе реализации исторической политики власть апеллировала к ресурсам памяти людей пожилого возраста, которые были свидетелями и участниками минувшей войны. Так, в опубликованном в мае 2015 г. в местном офицозе «Донецкая республика» поздравлении Главы «ДНР» А. Захарченко ветеранам по случаю Дня Победы отмечалось: «Сегодня, как и 70 лет назад, враг снова вступил на нашу землю. Фашизм поднял голову, и захватчики вновь хотят нас уничтожить». Обращаясь к ветеранам и стремясь подчеркнуть своеобразную межпоколенческую символическую связь, Захарченко проводил аналогии между событиями 1941–1945 и 2014–2015 гг., отмечал своеобразную преемственность традиций: «Вы – поколение Победителей – воспитали поколение Героев, которые выбросят карателей из Донбасса и навсегда сломают хребет нацистскому зверю» [Обращение главы ДНР..., 2015].

Важным средством решения образовательных и воспитательных целей, связанных с памятью о Второй мировой/Великой Отечественной войне, стали музеи, в частности школьные и историко-краеведческие. Их тематическая структура в основном была подчинена задачам отражения подвига советского народа на фронте, подпольно-партизанского движения, возрождения разрушенной войной экономики. Музейное искусство на территории «ДНР» выступило оперативным средством политической социализации и формирования политической лояльности уже в современных условиях. Начиная с 2015 г. был создан ряд выставок, отражающих в рамках одного экспозиционного пространства, наряду с событиями Второй мировой / Великой Отечественной войны, современные военные события в Донбассе. Данные выставки, а также восстановление разрушенного в ходе боевых действий центрального Донецкого областного (республиканского) краеведческого музея символизировали своеобразный континуитет традиции борьбы против «украинского фашизма» и, в будущем, победы над ним.

В целом, как и в России, память о войне 1941–1945 гг., а также ее проекция на события 2014–2020 гг. используются для формирования и развития как «республиканской», «донбассовской», так и российской идентичности. Очевидным является то, что особенности актуализированной военными событиями 2014–2020 гг. и пропагандистскими средствами исторической памяти населения о событиях Второй мировой / Великой Отечественной войны, специфику реализации на территории «ДНР» исторической политики необходимо учитывать

при разработке реалистических вариантов завершения военного конфликта на Востоке Украины.

5. Какую роль играет профессиональное сообщество (ученые, преподаватели) в формировании образов войны и современной политике памяти?

Война как социальное явление, отражающее групповой опыт конфликтного взаимодействия, играет особую роль в выработке упрощенных и эмоциональных представлений как о себе, так и о других, причем даже среди специалистов-историков. В силу своего высокого общественного звучания и эмоционального воздействия проблема Второй мировой/Великой Отечественной войны была первой тематизируемой проблемой в исторической дискуссии и, одновременно, наиболее сложной для детабуизации [Хеслер, 2005, с. 163]. Последнее связано с необходимостью деконструкции официальных советских исторических мифов, глорифицированной версии войны, преодолением общественной инерции и, во многих случаях, категорического неприятия новых подходов к оценке исторического прошлого.

Имманентной проблемой любого знания, в том числе и о войне, являются его границы. Для историка они зависят, прежде всего, от возможностей доступа к тем или иным архивным источникам, знакомства с литературой по теме, в том числе иностранной, существующими в профессиональном сообществе, в частности зарубежном, концептуальными подходами в оценке тех или иных явлений.

Особенное значение в современных условиях приобретает интеллектуальная честность историка, выступающая в роли своеобразного профессионального и морального императива. Именно она должна побуждать исследователя с уважением относиться даже к тем фактам, которые противоречат сложившейся у него концепции или картине мира. Наряду с этим важным является критическое отношение к попыткам воссоздания в официальном историческом дискурсе не-верифицируемых либо противоречащих историческим фактам мифологем. В этом плане актуальными остаются слова французского историка Пьера Нора, отмечавшего, что «история не является ни религией, ни моралью; она не должна быть рабой современности» [Мінк, 2009, с. 67].

В то же время серьезные опасения вызывают попытки властей определять параметры деятельности историков и перспективы оценки тех или иных исторических событий. Это приводит к отказу от исследования «непопулярных» с точки зрения государственного официоза (но объективно существующих!) проблем, «самоцензуру» авторов либо же цензуру.

Так, в контексте объективного исследования истории Второй мировой / Великой Отечественной войны обращает на себя внимание статья 6 Закона Украины «О правовом статусе и чествовании памяти борцов за независимость Украины в XX столетии», принятого весной 2015 г. Нормы закона, в частности, предусматривают ответственность тех лиц, «которые публично проявляют пренебрежительное

отношение» к лицам, перечисленным в законе» в качестве «борцов за независимость Украины». При этом «публичное отрицание факта правомерности борьбы за независимость Украины в XX веке» признается «надругательством над памятью борцов за независимость Украины в XX веке» и оценивается как «противоправное» [Закон України..., 2015]. Данные нормы вызывают серьезные опасения не только со стороны украинских, но и зарубежных историков, поскольку они допускают достаточно широкую интерпретацию и могут быть использованы в качестве средства давления на исследователей, препятствовать объективному изучению проблемных аспектов истории украинского националистического движения в 30-е–40-е гг. XX столетия (в частности, сотрудничества его представителей с нацистами и участия в геноциде еврейского населения Украины) [Open Letter..., 2017; Simon, 2016, p. 91]. С учетом этого профессиональному историческому сообществу необходимо помнить, что формирование и реализация политики памяти не должны происходить за счет исторической правды, даже признавая всю проблематичность данного понятия [Зайцев, 2009, с. 29]. Очевидно, что для исследователей, занимающихся историей Второй мировой / Великой Отечественной войны, важным является ее анализ с различных перспектив, отход от политических и идеологических симпатий, «черно-белого» изображения событий войны, что мешает адекватному восприятию настоящей драмы и трагедии народа.

Политические процессы, происходящие в современном мире, обострили ряд политических, геополитических, экономических, социокультурных вопросов. Одним из самых больших вызовов для постсоветского пространства является память о Второй мировой/Великой Отечественной войне. Очевидно, что память об этой войне будет всегда очень политизирована. Весьма вероятно, что она будет передаваться еще в течение не одного поколения, сопровождаясь формированием разного рода исторических мифов, созданием новых и маргинализацией старых образов войны, глорификацией или демонизацией разных сторон этого глобального конфликта. Отказ от политической инструментализации памяти о войне, использования в мобилизирующих целях старых или новосозданных идеологем, связанных с историей Второй мировой/Великой Отечественной войны, является одним из обязательных требований для профессионального исторического сообщества и одним из условий разрешения имеющих место сегодня меж- и внутригосударственных противоречий.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Базовый исторический нарратив мемориального центра Холокоста «Бабий Яр». Киев: Благотворительная организация «Благотворительный Фонд “Мемориал Холокоста “Бабий Яр”, 2018. URL: <https://babynyar.org/storage/main/84/ab/84ab4da1b3641f51753f734013ec5c2c8d7bdd777c7bf3c921f43810b6328d80.pdf> (дата обращения – 25 августа 2020 г.).

Безсмертя. Книга Пам'яті України. 1941–1945. Київ: Пошуково-видавниче агентство «Книга Пам'яті України», 2000. 944 с.

Друга світова війна: як ми пам'ятаємо. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bbvgExvgY08&t=183s>. (дата звернення – 3 вересня 2020 г.).

Зайцев О. Нелегкий вибір історика: історична наука та національна історична міфологія // *Ідентичність і пам'ять у пострадянській Україні*. Київ: Дух і літера, 2009. С. 17–32.

Закон України «Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у ХХ столітті» від 9 квітня 2015 року № 314-VIII. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/314-19#Text> (дата звернення – 20 серпня 2020 г.).

Зисельс И. Что происходит вокруг Бабьего Яра сегодня? URL: <http://www.vaadua.org/news/iosif-zisels-cto-proishodit-vokrug-babego-yara-segodnya>, 2 вересня 2018 г. (дата звернення – 25 серпня 2020 г.).

Интервью с Иваном С., 1925 г.р. (г. Донецк, октябрь 2004 г.). Транскрибованная аудиозапись. Личный архив автора.

Концепція комплексного розвитку (меморіалізації) Бабиного Яру з розширенням меж Національного історико-меморіального заповідника «Бабин Яр». Київ: 2019. 119 с. [На правах рукопису] <http://resource.history.org.ua/item/0014254> (дата звернення – 10 серпня 2020 г.).

Махотина Е. Преломления памяти. Великая Отечественная война в России сегодня // *Juni 1941. Der tiefe Schnitt. Katalog / Hrsg. vom Deutsch-Russischen Museum Berlin-Karlshorst*. Bonn: CH Links Verlag, 2011. С. 28–39.

Меморіальний центр Холокоста «Бабий Яр». Задачи ВУНМС. URL: <http://babynyar.org/ru/buhms/about> (дата звернення – 4 вересня 2020 г.).

Мінк Ж. Геополітика, примирення та ігри з минулим // *Україна модерна*. 2009. № 4 (15). Київ: Критика, 2009. С. 63–77.

Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / отв. ред. А.Н. Сахаров, А.С. Сеньявский. М.: Гриф и К, 2010. С. 200–235.

Нора П. Всемирное торжество памяти // *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 391–402.

Обращение главы ДНР А. Захарченко к ветеранам // *Донецкая республика*. 2015. 8 мая. С. 1.

Пастушенко Т.В., Титаренко Д.М., Чебан О.І. 9 травня 2014 – 2015 рр. в Україні: старі традиції – нові церемонії відзначення // *Український історичний журнал*. 2016. № 3. С. 106–124.

Справка-доклад главного военного прокурора Н. Афанасьева «О 28 панфиловцах». URL: <http://statearchive.ru/607> (дата звернення – 15 серпня 2020 г.).

Траба Р. «Другий бік пам'яті». Історичні досвіди та їх пам'ятання в Центрально-Східній Європі // *Україна модерна*. 2009. № 4 (15). Київ: Критика, 2009. С. 53–62.

Хеслер И. Что значить проработка прошлого? Об историографии Великой Отечественной войны в СССР и России // *Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа*. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 156–169.

Berkhoff K. *Motherland in danger. Soviet propaganda during World War II*. Cambridge, London: Harvard university press, 2012. 407 p

Hellbeck J., Pastushenko T., Tytarenko D. «Wir werden siegen, wie schon vor 70 Jahren unsere Großväter gesiegt haben». Weltkriegsgedenken in der Ukraine im Schatten des neuerlichen Kriegs // *Kriegsgedenken als Event. Der 9. Mai im postsozialistischen Europa* / Hrsg. von M. Gabowitsch, C. Gdaniec, E. Makhotina. Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2017. S. 41–66.

Open Letter from Scholars and Experts on Ukraine Re. the So-Called «Anti-Communist Law», Krytyka, April 2015. URL: <http://krytyka.com/en/articles/open-letter-scholars-and-experts-ukraine-re-so-called-anti-communist-law> (дата обращения – 10 февраля 2017 г.).

Simon G. Good Bye, Lenin! Die Ukraine verbietet kommunistische Symbole // *Osteuropa*. 66 Jg. 3/2016. Pp. 79–94.

REFERENCES

Bazovyi istoricheskii narrativ memorial'nogo tsentra Holokosta "Babii Yar" [Basic historical narrative of the Babi Yar Holocaust Memorial Center]. Kiev: Blagotvoritel'naya organizatsiya "Blagotvoritel'nyi Fond "Memorial Holokosta "Babi Yar", 2018. Available at: <https://babynyar.org/storage/main/84/ab/84ab4da1b3641f51753f734013ec5c2c8d7bdd777c7bf3c921f43810b6328d80.pdf> (accessed 25 August 2020).

Bezsmertya. Knyga Pam'yati Ukrainy. 1941–1945 [Immortality. Book of Memory of Ukraine. 1941–1945]. Kyiv: Poshukovo-vydavnyche agentstvo "Knyga Pam'yati Ukrainy", 2000. 944 p. (in Ukrainian).

Druga svitova viina: yak my pam'yataemo [The Second World War: as we remember]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=bbvgExvgY08&t=183s>. (accessed 3 September 2020).

Zaitsev O. Nelegkyi vybir istoryka: istorychna nauka ta natsional'na istorychna mifologiya [Difficult choice of historian: historical science and national historical mythology], in *Identychnist' i pam'yat' u postradyans'kii Ukraini* [Identity and memory of the victimized Ukraine]. Kyiv: Dukh i litera, 2009. Pp. 17–32.

Zakon Ukrainy "Pro pravovyi status ta vshanuvannya pam'yati bortsiv za nezalezhnist' Ukrainy u XX stolitti" vid 9 kvitnya 2015 roku [Law of Ukraine "On the Legal Status and Honoring of the Memory of the Fighters for Ukraine's Independence in the Twentieth Century", April 9, 2015. № 314-VIII. Available at: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/314-19#Text> (accessed 20 August 2020).]

Zisel's I. *Chto proiskhodit vokrug Bab'ego Yara segodnya?* [What is happening around Babi Yar today?]. Available at: <http://www.vaadua.org/news/>

iosif-zisels-chto-proishodit-vokrug-babego-yara-segodnya, 2 Sept. 2018 (accessed 25 August 2020).

Interview with Ivan S., born in 1925 (Donetsk, Oktober 2004). Transkribovannaya audio-zapis'. Personal archive of author.

Kontsepsiya kompleksnogo rozvytku (memorializatsii) Babynogo Yaru z rozshyrennyam mezh Natsional'nogo istoryko-memorial'nogo zapovidnyka "Babyn Yar" [The concept of the complex development (memorialization) of Babi Yar with the expansion between the National historical and Memorial reserve "Babi Yar".] Kyiv, 2019. 119 p. Available at: <http://resource.history.org.ua/item/0014254> (accessed 10 August 2020).

Makhotina E. Prelomleniya pamyati. Velikaya Otechestvennaya voina v Rossii segodnya [Refractions of memory. The Great Patriotic War in Russia today], in *Juni 1941. Der tiefe Schnitt. Katalog / Hrsg. vom Deutsch-Russischen Museum Berlin-Karlshorst*. Bonn: CH Links Verlag, 2011. Pp. 28–39. (in Russian).

Memorial'nyi tsentr Kholokosta "Babi Ya"». *Zadachi BYHMC* [Holocaust Memorial Center "Babi Yar". Tasks of BYHMC]. Available at: <http://babynyar.org/ru/byhmc/about> (accessed 4 September 2020). (in Russian).

Mink Zh. Geopolityka, prymyrennya ta igry z mynulym [Geopolitics, reconciliation and playing with the past], in *Ukraina moderna*. 2009. № 4 (15). Kyiv: Krytyka, 2009. Pp. 63–77 (in Ukrainian).

Narod i voina: ocherki istorii Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. [People and War: Essays on the History of the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow: Grif i K, 2010. Pp. 200–235 (in Russian).

Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamyati [Worldwide celebration of memory], in *Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. Pp. 391–402 (in Russian).

Obrashchenie glavy DNR A. Zakharchenko k veteranam [The appeal of the head of the DPR A. Zakharchenko to veterans], in *Donetskaya respublika*. 2015. 8 May. P. 1 (in Russian).

Pastushenko T.V., Tytarenko D.M., Cheban O.I. 9 travnya 2014–2015 rr. v Ukraini: stari traditsii – novi tseremonii vidznachennya [9 May 2014 – 2015 years in Ukraine: old traditions – new ceremonies of celebration], in *Ukrains'kyi istorychnyi zhurnal*. 2016. № 3. Pp. 106–124 (in Ukrainian).

Spravka-doklad glavnogo voennogo prokurora N. Afanas'eva "O 28 panfilovtsakh" [Report of the chief military prosecutor N. Afanasyev "On 28 Panfilovites"]. Available at: <http://statearchive.ru/607> (accessed 15 August 2020).

Traba R. "Drugyi bik pam'yati". Istorychni dosvidy ta ikh pam'yatannya v Tsentra'no-Skhidnii Evropi ["Another aspect of memory". Historical experiences and memory in the Central and Eastern Europe], in *Ukraina moderna*. 2009. № 4 (15). Kyiv: Krytyka, 2009. Pp. 53–62. (in Ukrainian).

Khesler I. Chto znachit prarabotka proshlogo? Ob istoriografii Velikoi Otechestvennoi voiny v SSSR i Rossii [What does the work with the past mean? About the historiography of the Great Patriotic War in the USSR and Russia], in *Pamyat' o voine 60 let spustya*:

Rossiya, Germaniya, Evropa. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. Pp. 156–169. (in Russian).

Berkhoff K. *Motherland in danger. Soviet propaganda during World War II*. Cambridge, London: Harvard university press, 2012. 407 p.

Hellbeck J., Pastushenko T., Tytarenko D. "Wir werden siegen, wie schon vor 70 Jahren unsere Großväter gesiegt haben". Weltkriegsgedenken in der Ukraine im Schatten des neuerlichen Kriegs, in: *Kriegsgedenken als Event. Der 9. Mai im postsozialistischen Europa*. Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2017. S. 41–66 (in German).

Open Letter from Scholars and Experts on Ukraine Re. The So-Called "Anti-Communist Law", Krytyka, April 2015. Available at: <http://krytyka.com/en/articles/open-letter-scholars-and-experts-ukraine-re-so-called-anti-communist-law> (accessed 10 February 2020).

Simon G. Good Bye, Lenin! Die Ukraine verbietet kommunistische Symbole, in *Osteuropa*. 3/2014. 66 Jg. Pp. 79–94.